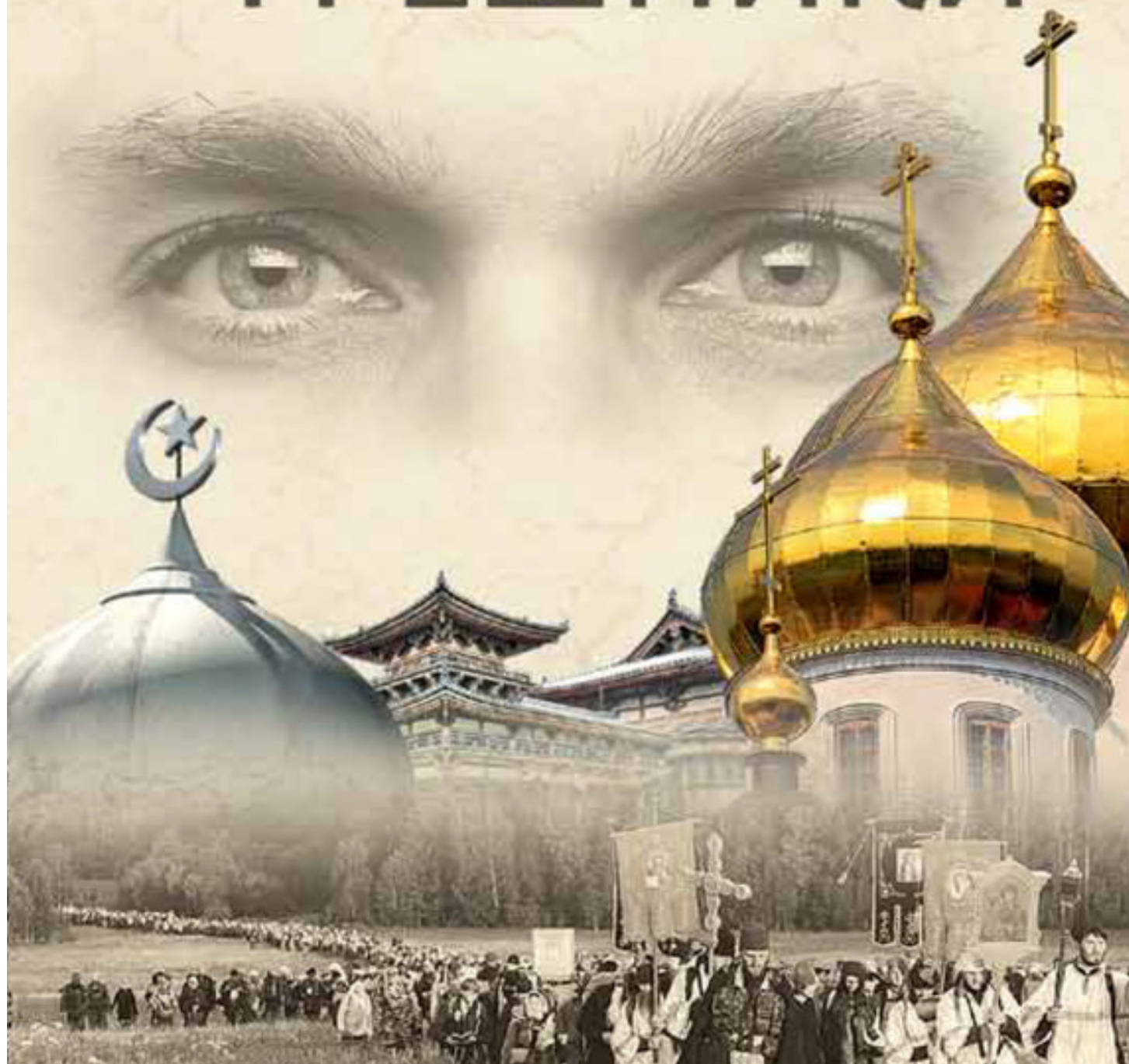

РУССКИЙ **Крест**

Александр ЛАПИН

СВЯТЫЕ ГРЕШНИКИ

Александр Лапин

Святые грешники

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Лапин А. А.

Святые грешники / А. А. Лапин — «Автор», 2018

ISBN 978-5-4444-6548-6

Александр Лапин известен читателям по своему роману «Русский крест» – масштабной саге о поколении, охватывающей три последних переломных десятилетия новейшей истории России. В новом романе «Святые грешники» полюбившиеся нам герои прошлой книги подходят к очередному жизненному рубежу. Но «Святые грешники» – это не традиционный сиквел в жанре «двадцать лет спустя», здесь Александр Лапин резко меняет оптику, перемещая фокус из макромира событий в мир движений мятущейся, страдающей, ищущей человеческой души. Ведет с читателем доверительный разговор о неимоверно сложных вопросах. Ведь вера, религия и церковь – понятия далеко не тождественные, а духовный поиск – система многовекторная: основные мировые религии, языческие культы, эзотерические практики... Ставя в центр романа эти искания героев, автор избежал скатывания в назидательность и выстроил захватывающий сюжет, переходя от хроникальности к притче, от детектива к эротическому роману, от социальной драмы к мистике и в итоге к неожиданной кульминации. По воле автора все герои – монах и мирянин, христианин и язычник, мусульманин, буддист – сойдутся в нужном месте в нужное время. Чем это кончится, узнает читатель...

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4444-6548-6

© Лапин А. А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Часть I. Русская йога	8
I	8
II	10
III	15
IV	18
V	23
VI	32
VII	38
VIII	44
IX	50
X	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александр Лапин

Святые грешники

© Лапин А.А., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

* * *

Дорогие друзья, я искренне рад нашей новой встрече!

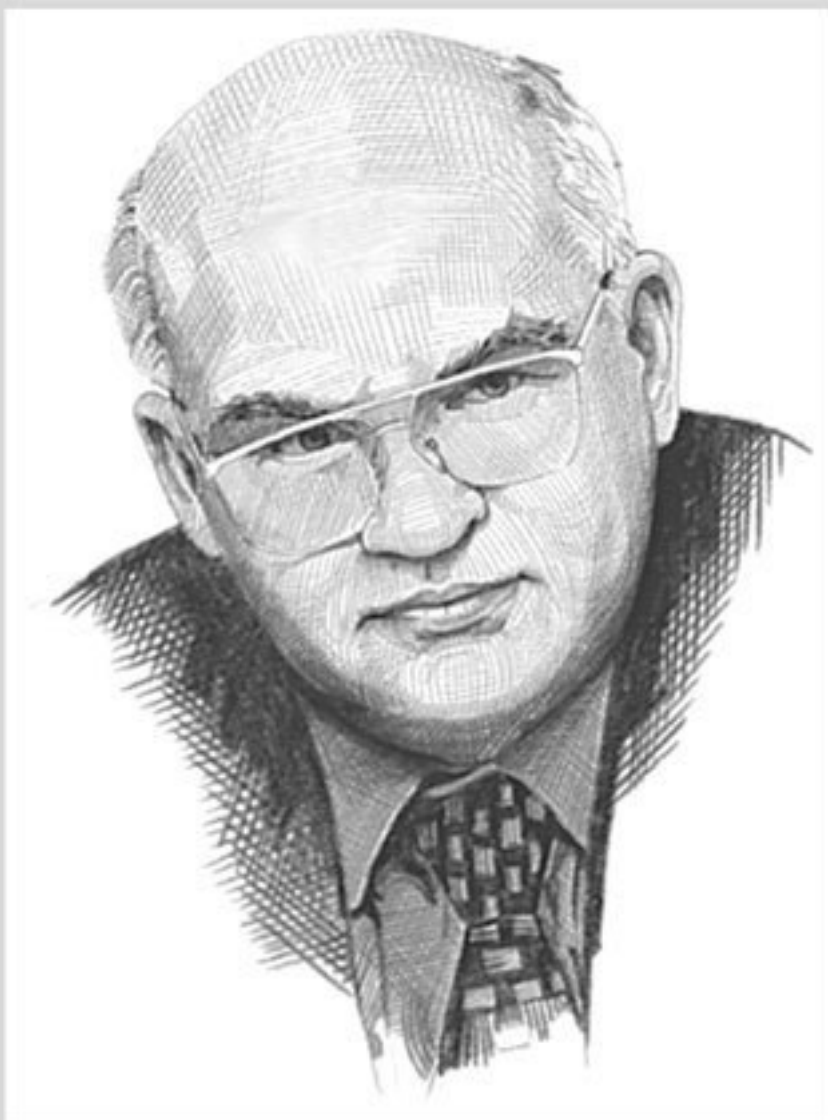
Перед вами моя новая книга. Ее герои вам хорошо знакомы, а для многих они даже успели стать близкими, почти родными людьми. Но это не продолжение эпопеи «Русский крест». Не новый рассказ о поколении, к которому мне выпало принадлежать.

«Святые грешники» – совершенно особая, отдельная история. История поиска, который так или иначе ведет каждый мыслящий человек. Ведь в каждом из нас есть и частицы Мрака, и искорки Света.

Мои герои возмужали. Нашли свое место в жизни и многого достигли на избранном поприще. Но останавливаться – не в их характере. Когда земные вершины покорены, такие, как они, отложив повседневные дела и заботы, отправляются на поиски вечных истин.

Этот путь не бывает прямым и легким. Его маршрут нельзя проложить заранее, предусмотрительно вычислив все опасные места. Тому, кто следует по нему, не избежать горьких сомнений, трагических разочарований, ошибок, которые так легко совершить и так трудно исправить. Но наградой за упорство и стойкость будут озарения, кардинально изменяющие жизнь, вносящие в нее гармонию и ясность.

Надеюсь, что вслед за моими героями этот Путь увлечет и вас.

Ваш
А. Лапин

Часть I. Русская йога

I

Ему часто снился один и тот же странный сон...

...Мальчик был маленький. И времени для него еще не было. Было только непостижимое пространство зеленой лужайки. А в центре светилась прекрасная и таинственная планета – алая, только что распустившаяся роза. Тугая спираль ее лепестков переливалась оттенками огненного, ярко-красного, бордового.

Цветок завораживал и манил.

Над розой сейчас летал крохотный полосатый монстр. Его прозрачные крылья гудели, а мохнатые, рахитично полусогнутые ножки с острыми коготками нащупывали опору. Наконец он зацепился за упругий лепесток и повис на нем. Хрустальные глаза, словно зеркала, отразили голубую траву и сидящего перед цветком ребенка.

Ребенок был мир.

Оса тоже была мир.

Блестящие расширенные зрачки мальчика с интересом следили за ней.

Затем ребенок протянул руку и взял летающего тигра пальчиками.

Два мира встретились.

Оса повернула голову. Обидчиво поджала хоботок. Предупреждающе, как бы примериваясь, выпустила и снова втянула в брюшко зазубренное жало. Ребенок в ответ крепче сжал пальцы на плотном полосатом панцире.

Тогда оса, резко подгибая брюшко, ударила черным стилетом в розовый пальчик.

Крик боли и ужаса огласил вселенную лужайки...

На этот крик первой прибегает сестра Настя. Круглолицая девочка, очень резвая и лукавая. Она сначала дует на пальчик и пытается утешить, успокоить одетого в белую матроску с галстучком трехлетнего кудрявого Алексея. Но это ей не удается. Следом за нею, как птички, подлетают и старшие сестры. Рассудительная Ольга, осторожная, спокойная Татьяна и красивая Мария. Они хлопочут вокруг плачущего мальчика до тех пор, пока из противоположного,

заросшего кустарником угла парка к ним не приближается одетый в белую рубашку и морскую фуражку дядька. Его усатая украинская физиономия выражает высшую степень озабоченности и беспокойства. Он видит уже начавший синеть и вспухать пальчик, хватает Алексея в охапку и, бережно прижимая его к широкой груди, уносит в желто-белое здание...

II

Прошло-пролетело уже больше десятка лет с тех пор, как преуспевающий топ-менеджер крупнейшей газеты страны покинул столицу и перебрался в российскую глубинку. Здесь он поднял с нуля собственный издательский холдинг, обрел новую семью, восстановил с соратниками церковь в селе. И построил свой дом.

Стоит этот дом первый в уличном ряду. Рядом никто не строится, потому что метров через сто пятьдесят – высокий, заросший деревьями берег. А под ним течет прозрачная плавная река.

Напротив дома, на левом пологом берегу, расположился заповедник с бесчисленными озерами, камышовыми зарослями и протоками.

Прямо за новенькой улицей – старое село Луговое, за огородами и садами которого бескрайнее поле русской равнины, перемежающееся перелесками и лесными полосами.

Большой трехэтажный бело-розовый дом Дубравиных внешне стилизован под усадьбу девятнадцатого века. Стоит независимо и горделиво – с колоннами, огромными окнами и балконами – среди садовых деревьев.

Красивый дом, в котором живет хорошая, дружная семья.

В подвале теснятся на полках домашние консервы: банки с помидорами, огурцами, вареньем. В особом отсеке аккуратно сложена в ящики картошка, яблоки, морковь, свекла. Морозильный ларь хранит мясо.

Первый этаж занимает столовая и большая парадная гостиная с неизменным камином. Тут частенько собираются гости.

На втором – три спальни и два санузла с теплыми полами.

На широкий задний двор выходят ворота гаража. В боксе на четыре места стоят: черный «Мерседес» хозяина, «Лексус» его жены и красный «конек-горбунок» – американский багги, на котором Дубравин иногда рассекает по окрестностям.

А над гаражом так называемая игровая комната. Просторное помещение с огромным, просто-таки гигантским диваном и зеленым бильярдным столом.

На третьем этаже безраздельно властвует сам хозяин. Тут его мир. Как в отсеке подводной лодки, здесь все предназначено для автономного существования. Кабинет, библиотека и что-то похожее на спортзал – со штангой, беговым тренажером и шведской стенкой.

По утрам Дубравин уединяется в этом своем мирке и колдует над бумагами.

Сегодня он спит на широком балконе. Эта привычка ночевать в теплое время года на открытом воздухе осталась у него с детских лет.

Александр просыпается от луча солнца, который, проникнув через застекленную дверь широченного балкона, начинает греть ему лицо, светить в глаза.

Он проснулся. Но глаз не открывает. Переваривает этот давнишний и часто повторяющийся сон: маленький мальчик в матроске, которого укусила оса. Он знает, что его зовут Алексей. Но кто он? Откуда этот сон? На этот вопрос, который Дубравин задает сам себе уже много лет, ответа нет.

«Кто? Что?» К чему задавать себе эти праздные вопросы, когда дел невпроворот. И надо срочно ехать в столицу, с которой у него связан целый кусок жизни.

В Москве предстоит решить несколько вопросов. И встретиться с двумя не совсем обычными людьми. Так что понежился в кровати с десятков минут, и – срочно одеваться. Тем более что его ждут.

Дубравин выглянул в окно спальни, выходящее во двор. Так и есть – Витька Палахов, бывший прапорщик-десантник, седо власый, в рубашке навыпуск, уже подогнал к парадному входу черного «мерина».

Значит, пора...

* * *

Дорога от города Ч. до Москвы теперь новая, четырехполосная. И идет мимо городов и сел. Быстрая дорога, но скучная. Раньше каждая поездка была приключением. Теперь – просто работа. Теперь приключения начинаются на кольцевой. Когда попадаешь в чудовищную пробку.

Езда по Москве – это отдельная песня. Грустная и полная драматизма. Но в конце концов после посещения двух офисов они оказываются в последней точке. Возле белого каменного забора, за которым видны блестящие маковки храма. Это московское подворье одного известного в России монастыря.

Дубравину сюда и надо.

Он покидает уютный салон «Мерседеса» и вылезает на пронизывающий ветер. Зябко. Поеживаясь и осматриваясь по сторонам, он идет вдоль белокаменной ограды до тех пор, пока не наткнется на металлическую калитку. Возле нее стоит женщина-побирушка. Из тех, что ходят по городам и весям в черных, якобы монашеских, одеждах с ящичками в руках. Она гнусавит: «Подайте на строительство храма!»

Александр останавливается. Бросает в узкую щель деревянного ящичка купюру. Затем неуверенно переступает металлический порожек. Дубравин не знает монастырских порядков. И думает, что где-то здесь, на входе, должен стоять суровый привратник. Но такового не оказывается. И приятно удивленный, Александр ступает на дорожку, ведущую к храму.

По пути достает телефон и набирает заветный номер.

– Аллю! Петр Андреевич! Я приехал. Нахожусь во дворе монастыря. Куда дальше идти?

Слышит в ответ:

– Стой на месте! Я сейчас подойду!

Дубравин опять останавливается. Снимает черную кепку с козырьком. Складывает три пальца в щепоть. И, как говорится, «обмахивается» на купола.

Через секунду на выложенной плиткой дорожке появляется тот, кого он ждал. Худощавый человек небольшого роста в темном плаще. На сухом, с правильными тонкими чертами, значительном лице – внимательные, усталые глаза. Аккуратные усы.

Подходит. Подает тонкую кисть с длинными пальцами.

– Ну, здравствуй! Как добрался?

– Здравствуйте, Петр Андреевич! Едва нашел это подворье! Но нашел. И вовремя!

– Пойдем! Нас уже ждут!

И они быстро зашагали мимо старинного маленького храма к виднеющемуся за мокрыми после дождя деревьями белому братскому корпусу.

На пороге их встретил молодой симпатичный послушник и повел вглубь помещения. Дубравин, ожидавший здесь встретить что угодно: вериги, рясы, кресты, иконостасы, – увидел просто хорошо отделанный офис.

Еще пара дверей. И они со спутником оказались, судя по всему, в кабинете настоятеля.

Большая комната в два окна. Хорошая мебель. Кресло. Стол с приставным столиком. На столике накрыт обед в изящной посуде.

Глянув на креветки, белорыбицу и котлеты с овощами, Дубравин сглотнул слюну.

Они сняли верхнюю одежду. И служка куда-то ее унес.

Пока хозяина не было, Александр принялся оглядываться, оценивать место: «Если бы не многочисленные иконы, то можно подумать, что здесь расположился модный адвокат или директор солидного музея!»

Его внимание привлекла небольшая изящная Библия с бронзовой резной застежкой и такими же бронзовыми прелестными изображениями крылатых серафимов по углам. Он долго вглядывался в лик Христа в центре переплета. И даже рискнул взять в руки этот маленький шедевр книгоиздания.

Хозяин кабинета вошел неожиданно. Молодой, рыжебородый, волосы расчесаны на прямой пробор. Ряса тонкого, хорошего сукна. Видно, что человек грамотный и интеллигентный.

Поздоровались. Рюриков представил их друг другу:

– Александр Алексеевич – наш сторонник, медиамагнат! Я вам о нем рассказывал. Хочет поучаствовать в великом деле отрезвления русского народа! – И к нему: – Игумен Фотий, настоятель этого подворья, мой духовник, председатель церковной комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом.

– Скорее не по борьбе, а за трезвый образ жизни мы ратуем. Пришло время выступить... Впрочем, что я вас держу на ногах? Прошу к столу.

Настоятель прочитал короткую молитву.

Все расселись.

Дубравин сразу потянулся за хлебом, начал мазать корочку маслом. Отец Фотий, кивнув на стоящую на столе бутылку красного чилийского вина, чинно предложил:

– Может быть, по бокальчику? За знакомство! За почин!

Дубравину стало неловко:

– Как-то не очень здорово будет. Дело, ради которого мы собрались, благое. Бороться с повсеместной пьянкой. И начинать его с бокалом в руках как-то не того...

Его поддержал и Петр Андреевич:

– Н-да! Наверное, не очень!

Игумен – человек интеллигентный, не настаивал:

– Ну конечно! Но поесть не помешает. Разговор долгий.

«Хлеб да каша – пища наша». Монахи в еде толк знают. И креветки прямо тают во рту.

Наконец губернатор, отставив в сторону прибор, заговорил о том, для чего они и собрались:

– Вот мы с Александром Алексеевичем затеваем дело. У него возможности в прессе. А область готова организовать общественность на поддержку. Все вроде готово. Ждем отмашки от церкви. Почина!

– Вот это здорово! Это хорошо! Тогда вы вступайте в нашу организацию – «Общее дело»! – предложил настоятель.

– Мы хотим назвать нашу областную организацию не «Общее дело», а «Трезвое дело». Но, в принципе, задачи те же! – заметил Рюриков.

– Ну что ж, пусть так! Важно не название. Пьют много! И как будто напрочь забыли, что даже в годы горбачевской антиалкогольной кампании, при всех ее перегибах и переломах, у нас резко упала смертность. И поднялась рождаемость – так, что Россия тогда получила дополнительно полтора миллиона ребятишек. А что сейчас? Сами знаете! Пьянка опять повальная! Надо переломить этот тренд! – горячо произнес свою тираду отец Фотий.

Пока он говорил, Дубравин чувствовал, с одной стороны, радость оттого, что теперь он не один, что есть еще люди, которые готовы вместе с ним побороться за свой народ. А с другой – он ощущал скорбь и тяжесть в сердце. И появилось это недавно. С вестью о том, что старший брат его Иван «допился до чертиков». И умер, не дожив даже до пенсии.

Он и до этого размышлял обо всем происходящем на Руси великой. Несколько раз разговаривал с разными людьми на тему о том, что надо «пьянку прекращать». Иначе быть беде. Но наткнулся на явное непонимание. Один очень большой человек так и заявил ему в сердцах:

– Вы что, сдурели?! Да наш народ на вилы поднимет того, кто попытается запретить ему пить! Забыли о Горбачеве?

На что Дубравин, как ему тогда казалось, резонно ответил:

– Народ уже устал пить! Надо, чтобы кто-то просто сказал ему: «Хватит!»

...И сейчас, вспомнив эти сомнения, он заметил:

– Нашего человека пока палкой не огреешь – не пошевелится!

На что игумен Фотий резко возразил:

– Как палкой? Вот вас же палкой никто не гонит! Сами дошли!

Дубравина даже передернуло от его тона. Однако смирением тут и не пахнет. Суровенький поп.

Но оказалось, что поп не только суровенький, но и талантливый.

После не слишком длительного застолья он повел своих гостей в просторный зал, где стояло десятка два стульев и был громадный телевизор.

Здесь отец Фотий стал показывать свое творение. Несколько впечатляющих роликов.

Дубравин, словно замороженный, смотрел, как по дороге в никуда течет огромная человеческая река. Течет и тонет. Исчезает в пучине. Проваливается в бездну, в океан из пивных и водочных бутылок, банок, упаковок. Жуткое и захватывающее зрелище, проиллюстрированное в конце словами о сотнях тысяч ежегодно погибающих от пристрастия к зеленому змию...

– Я пришлю вам эти ролики, – сказал на прощание своим гостям настоятель обители.

– А я начну с сентября кампанию в прессе!

– Ну что ж, вот и договорились! Удачно съездили. В ближайшее время откроем новую организацию «Трезвое дело»! – подвел итог «встречи в верхах» Рюриков. И добавил жестко: – Мы будем дегтем метить те ворота и двери, за которыми будут продавать паленую водку, особенно молодежи!

* * *

А началась эта история несколькими месяцами раньше.

Сначала, как водится, пошли слухи. А на Руси слухи – самый точный и достоверный источник информации.

Слухи были такие.

Мол, прежний губернатор выходит в отставку, так как высшие власти не хотят продлевать ему срок полномочий.

Как обычно, чиновный люд взволновался! Кто будет хозяином области? К кому бежать? Кому кланяться? Кому присягать на верность?

В общем, гадали недолго. Слухи начали фокусироваться на одной фигуре. На московском госте.

Якобы один большой московский государственный человек не угодил «самому». И теперь его ждет «дальняя дорога» и славный город Ч.

Через некоторое время из столицы прибыл небритый морщинистый человечек по фамилии Хмельёв. И стал рыскать по области. Разузнавать разные разности. Выпытывать всякую всячину. Вникать в тонкости и хитросплетения местной политики.

Народ зашептался: «Изучает обстановку».

Покрутившись и побеседовав с разными фигурами, посланец отбыл восвояси.

Прошла пара месяцев. И в область приехал «сам». Поселился в санатории недалеко от города. И стал оттуда наезжать на работу. Набирать себе команду.

Неожиданно для всех в ней оказалась и Марина Сорокаумова – депутат, продвинутый издательской группой Дубравина. Пришлась, видно, по душе бывшая комсомольская деваха. Бойкая, речистая, сердцем чистая.

В этот самый период Дубравин, занятый «Русским вопросом», решил, что неплохо было бы встретиться и поручкаться с Рюриковым.

Встреча состоялась. И оказалось, что у них похожие взгляды, привычки, видение обстановки. И вообще, они люди, что называется, одной крови.

Дубравин рассказал свою историю появления в этих краях. Устройство местной жизни. Посетовал на то, что «по большому счету не с кем поговорить».

Свела их не только взаимная симпатия, но и идея, которая давно бродила у обоих в голове. Она была проста, как колумбово яйцо. И заключалась в том, что для спасения русских нужно произвести их отрезвление.

И вот теперь в столице идея обрела окончательную форму. Власть в лице губернатора Рюрикова, церковь, представленная игуменом Фотием, и медиа с Дубравиным во главе – решили попробовать изменить отношение народа к пьянке.

А для этого к народу надо с чем-то выйти.

III

В сельском клубе не протолкнуться. Заняты все места. Мужики в тяжелых куртках и сапогах. Мнут в руках шапки. Краснолицые – то ли от мороза, то ли от принятых «на грудь» двухсот граммов. Сидят, перешептываются. Похохатываются.

Женщины неопределенного возраста. В тяжелых пальто и куртках. Лица усталые, угасшие.

Молодняк – в первых рядах. Юные цветущие девчонки с румянцем во всю щеку. Неловкие парни, неоперившиеся, холостые – жмутся по углам.

И пока глава района, хитроглазый Чигиков, представляет его, Дубравин думает о том, чем можно пронять народ. Аудитория трудная. Деревня – одно слово.

Наконец Чигиков торжественно провозглашает:

– Президент организации «Трезвое дело» Александр Дубравин! – и садится на свое место.

Дубравин прилаживает черный микрофон поудобнее. И без долгих околичностей, что называется, берет быка за рога.

– Я сам из деревни! – размеренно, но с такой силой и чувством говорит он, что зал, до этого шелестевший, сразу притихает. Видят, что этот – свой. – И из семьи, где пили. Брат мой Иван, здоровенный мужик двухметрового роста, умер в возрасте пятидесяти четырех лет! Угорел от водки. Брат умер. Пусть земля ему будет пухом! – Он помолчал. – Но что я обнаружил, когда приехал его хоронить? Я обнаружил племянников, его сыновей, которые пошли по той же стезе-дорожке. На следующий день после похорон увидел: племянник Серега сидит с молодыми друзьями на том же самом месте под гаражами, на котором начинал свои посиделки Иван! И там же распивает. Значит, история повторяется? Значит, все идет по кругу? Так вот, я оставил всё и потому пришел к вам, чтобы мы все вместе наконец прервали этот порочный круг.

Дубравин сделал паузу и продолжил:

– Что говорить о людях пьющих, тех, кто уже втянулся в это дело? Бог им судья! Они уже свою судьбу определили. Я сегодня говорю о молодежи, о тех, кто только вступает в жизнь. Вот их мы должны спасти, оградить от водки, научить жить в трезвости. А иначе так и будем вымирать! Вы посмотрите, что творится с мужиками! Когда я оканчивал школу, нас в выпускном классе было двадцать восемь человек. А сейчас осталось только двенадцать. Остальные уже умерли. От чего? Да понятное дело – от чего. От пьянки! Так давайте же вместе остановим эту эпидемию, этот мор! Мы – северная страна. Такая же, как Финляндия, Норвегия, Швеция. И вы думаете, они не пьют? Пьют. И еще как! Но там давно поняли, что так дело не пойдет. И приняли соответствующие ограничительные меры. И поверьте – не зря! Если у нас средняя продолжительность жизни мужика пятьдесят девять лет, то у них – семьдесят три. И это не предел. Поэтому и нам надо сделать так, чтобы молодежь нашла себе другие занятия. А не сидела, как их деды и отцы, пропивая свою жизнь, под гаражами!

По тому, как закивали головами женщины, как опустили глаза мужчины, он понял, что попал в большое место. Все они думают о судьбе своих детей. О том будущем, которое ожидает их. И все они, как и он сам, понимают, что так жить и так пить, как пьют сегодня, нельзя.

* * *

Уже несколько месяцев он посвящал свое время и свои силы этому, казалось бы, безнадежному делу – заставить людей задуматься, изменить свои взгляды на пьяные застолья. Сделать то, что пошло прахом в середине восьмидесятых.

Начали с организации. Губернатор собрал форум, на котором присутствовали все, включая полицию, прокуратуру, здравоохранение, образование. В общем, каждой твари по паре. Разработали программу. Дубравина избрали президентом.

И пошло-поехало. Народ оживился. Открыли горячую линию, на которую стали звонить неравнодушные граждане, возмущенные подпольной торговлей паленой водкой. Подтянулись молодые волонтеры. Начали проводить фестивали, конкурсы, концерты на тему трезвого образа жизни. Дубравинские каратисты двинулись по городам и весям показывать деревенской молодежи чудеса восточных единоборств. Другие неравнодушные «большие» люди стали проводить спортивные турниры, устраивать во дворах спортплощадки.

Дубравин знал: можно делать все, что угодно и где угодно, но если об этих делах не пишет пресса, не трещит телевидение, то их как бы и нет вовсе. Поэтому он жестко следил за тем, чтобы любое мероприятие сразу же освещалось на телевидении и в газетах.

Он давно понял, что народ нуждается в примере. И если идея здравая, то ее подхватят. Ведь так уже было. Те идеи, которые он высказывал в телевизионном проекте «Русский вопрос», который вел много лет, все-таки воплотились в дела. Сначала они попали в программу так называемой Партии жизни. А потом перекечевали в тезисы главной партии. И в конце концов их озвучил «преемник».

Так и теперь, на встрече. Идея трезвости молодежи постепенно овладевала сельской массой, собравшейся в клубе. А он продолжал:

– Был я в Норвегии. Изучал их нравы. И очень удивился. Страна – как картинка с туристического буклета. Но имеет некоторые особенности. Нет там, например, придорожного общепита, где вам нальют или продадут спиртное. Алкоголь продается в городе и только в одном специализированном магазине. А цены заоблачные...

В общем, пронял он селян своим рассказом. Долго благодарили. Но уезжал он с той встречи все равно задумчивым. Потому что сколько ни говори халва-халва – слаще не станет. И простые сельские люди популярно объяснили ему, в чем дело.

– Валька-магазинщица, – торопливо толковала ему бабуля с трясущейся головой и слезящимися глазами, – с ранья открывает свою лавку. И наши алкаши к семи уже подтягиваются. Надо бы ей запретить торговать. А никто не может. К кому только не обращались!..

– Ученики идут в школу, по пути берут эти энергетические баночки, – говорила озабоченно сельская учительница. – А этому киоскеру наплевать! Бесстыжая морда!

Дубравин и сам замечал, что при всей его бурной деятельности «пар уходит в свисток». Сотни мероприятий проведены. Встречи, беседы, статьи. Люди вроде бы все понимают. А меняться – ничего не меняется. «Вот опять начальник милиции прислал письмо с приветом. “Десять торговцев оштрафовали на пятьсот рублей. Кого-то пожурили...” Эх, да разве это меры? Шуму много. А дела с гулькиным нос. Почему? Да потому, что нет законов, по которым можно было бы серьезно вдарить по водочной мафии. Вон в одной Кабарде двадцать два водочных завода! Да в Осетии. И не остановить этот поток, идущий в Центральную Россию. Нужно, чтобы вся государственная машина озаботилась. Но там желающих прижать бутлегеров нету. И что делать в таком случае? Мы тут пыхтим, стараемся изо всех сил. А толку чуть. Такое ощущение, будто уперлись в стенку», – размышлял Александр.

* * *

В офисе на работе он взялся читать отчет любопытной молодежной организации под названием «Папа, не пей!». Но тут на пороге его кабинета появилась помощница. Подтянутая, полногрудая молодая женщина Наина. Работает она с ним еще с тех времен, когда он баллотировался в Думу. Приглянулась тем, что ведет дела четко, аккуратно, собранно.

– Ну, ты с чем? – оторвавшись от отчета, спросил Дубравин.

– Александр Алексеевич! Есть потрясающая идея!

– Какая?

– Наши волонтеры будут менять сигареты на цветы!

– Это как?

– А мы уже пробовали! Представляете, идет парочка. Наши в фартучках «Трезвое дело» подходят с букетом цветов и предлагают: «Молодой человек! Не хотите ли подарить своей девушке цветок?» А кто же не хочет? Наши – ему: «Тогда давайте меняться! Мы вам цветок – а вы нам свои сигареты!»

– И отдают?

– Еще как! Мы насобирали уже полмешка. Завтра будем их сжигать на телекамеру. И покажем в новостях.

Дубравин оживился:

– Молодцы! Прет инициатива снизу. А от меня что надо?

– Денег на цветы!

– Сколько?

...Когда она вышла с деньгами, он вспомнил свой прежний поход в законодательную власть. И понял, что это знак:

– В Думу надо идти! Самому инициировать законы против пьянки. Идти с этой программой. И добиваться ее реализации. По-другому ничего не получится! В этом сегодня правда! А где правда, там и сила!

IV

Дуня собиралась в школу. И хотела надеть розовые туфли к серенькой школьной форме. Увидев дочку в таком «прикиде», Людмила сначала слегка опешила, а потом по этому поводу весьма категорично высказалась. Двенадцатилетняя Дуня, рослая круглолицая блондинка с голубыми глазами, и похожая, и не похожая на саму Людку в молодости, психанула и, хлопнув дверью в своей комнате, заявила, что в таком случае в школу вообще не пойдет. Телом – девушка, душой – ребенок, она задает сейчас матери столько вопросов, что у Крыловой периодически пропадает дар речи. И голова идет кругом. Новое поколение с его странными, с точки зрения старших, воззрениями на жизнь приходит в этот мир, ничуть не отягощенное комплексами советского человека, которые несут через года их родители. Для них сытая, комфортная жизнь – не награда за годы бедствий, труда и борьбы, а данная реальность. И Людмила, глядя на дочь, частенько ловит себя на мысли: «А что будет, если эта, с таким трудом налаженная и устроенная жизнь в один прекрасный момент рухнет? Смогут ли эти дети, выросшие в беззаботной обстановке более-менее сытого нефтяного благополучия, выдержать такой удар?»

Мир вокруг стремительно меняется – гаджеты, Интернет, автомобили как-то незаметно вошли в их быт. И жизнь без них уже представляется невозможной.

Вот и сейчас, провожая дочку в школу, Людка напоминает Дуныше:

– Не забудь взять айфон! А то вчера оставила в машине. А я беспокоилась.

Без связи – никуда. Как только ребенок войдет в школьную дверь, на телефон Крыловой придет СМС-сообщение. И если выйдет из здания – электроника скажет ей об этом.

Ну вот, всех выпроводила. Дубравин – тот уехал еще раньше. Ему сегодня надо в областную думу. На заседание комитета. Теперь можно посидеть. Выпить кофейку с сыром. Побаловать себя. Подумать о чем-то приятном. Даже как-то взгрустнуть, вспоминая первые годы совместной жизни.

Кажется, встретились они только вчера. А уже неумолимое время отсчитало дюжину лет. Чего только не было за эти годы! Такая любовь, пронесенная через всю жизнь, обещала, что все будет без сучка и задоринки. Ан нет! Они знали друг друга со школы, Дубравин был ее первой любовью, но по-настоящему сошлись они уже взрослыми самостоятельными людьми, прошедшими до этого большой и тернистый путь в тяжелое время. И на этом пути было много всего. Хорошего и плохого. Так что «притирка» шла непросто. И трудно ей было найти свое место в этой новой жизни.

Конечно, первое время, пока дочка была маленькой, она полностью отдавала себя ее воспитанию. А потом Дуня пошла в сад, в школу. Начались вопросы. И главный из них: куда себя деть?

До этого она выживала сама. И поэтому приходилось крутиться. Теперь за выживание семьи отвечал муж. Но эта новая роль – роль домохозяйки, матери – была ей явно узка.

Наверное, понимал это и Дубравин. Но поначалу не придавал значения. Рассуждал в своем мужском эгоизме просто: «Деньги есть, ребенок есть. Живи да радуйся. Чего еще надо?» Это чуть позднее, когда появились проблемы, начал задумываться. А все ли так хорошо, как ему кажется? Ведь Людка, может быть, не удовлетворена такой жизнью «в золотой клетке». Это с одной стороны. А с другой – помнил опыт предыдущей семейной жизни, когда жена ничем не интересовалась, и считал это нормой.

А Людмила интересовалась. Еще как интересовалась. Знала: хочешь остаться любимой, надо быть нужной. Ненужная женщина так же, как и ненужная вещь, обременяет.

Началась ее борьба за самостоятельность. Чтобы не раствориться полностью в муже, а тоже иметь какое-то свое дело, свой угол, свои интересы. Но в его жизни.

И к счастью, в обширной деятельности Дубравина такое место нашлось. Уже много лет он вел на телевидении собственную передачу, периодически меняя ее формат. Сначала она была просветительской. «Русский вопрос» рассказывал русскому народу о нем самом. Кто такие русские? Откуда они произошли? Какое место занимают в мире? Их отношения с другими народами. И многое другое.

По мере того как менялась обстановка, происходили перемены и в содержании. Оно стало острым, публицистичным. Во время активной фазы кампании за трезвость молодежи «Русский вопрос» был настоящим застрельщиком этого дела.

Боролись и с игровыми автоматами. Курением. Нецензурщиной.

Прошло время, и Дубравин опять сменил формат. Передача стала рассказывать о культуре, быте народа, обычаях и других интересных вещах. Вот этим и занялась Людмила. Как человек, проработавший всю жизнь на телевидении, она с интересом взялась за дело и постепенно «въехала в тему». Дубравин поощрял ее. Но боялся, что она может пуститься по стопам Галины Озеровой, которая запряглась, как конь, и тянет лямку за всех. За себя и «за того парня». Но Крыловой нужен был какой-то средний вариант. Чтобы и в семье все было в порядке, и в деле реализоваться.

Она попила кофейку и стала собираться.

В ванной, накладывая макияж, она с удовольствием заметила, что выглядит моложе своих лет. Это хорошо, что рядом с работой находится фитнес-клуб. И два-три раза в неделю она оказывается в умелых руках массажиста. Но возраст все равно чувствуется. В налитых бедрах. В округлости щек. И постепенно набирающей размер груди. Она с годами все больше становится похожей на настоящую падмини – женщину-шик по древней индийской классификации. И еще одно заметно. Раньше ее красота была дерзкой, вызывающей. А теперь в ней есть какое-то спокойствие, мудрость, проверенность временем и терпением. Проступает внутренняя сила. Духовная сила.

Давно уже ее отношения с Марьей Степановной Бобриной, ее первым духовным гуру, переросли в дружеские. Мастер рейки, Бобрина продолжает заниматься руколечением, сплетает японское искусство рейки с православием и стала превращаться одновременно в бизнесвумен, гадалку и ясновидящую.

А вот Людмила от рейки ушла. Во-первых, у нее нет времени. А во-вторых, ей кажется, что это дело не дает ей чего-то нужного для дальнейшего роста.

Внешне она живет спокойно. Но непрестанный внутренний поиск заставляет ее штудировать множество самой разнообразной эзотерической литературы. И ее пока не удовлетворяет ни одно из тех многочисленных учений, с которыми она знакомится. Пробовала заняться хатха-йогой, йогой тела, но ей скоро наскучили бесконечные нудные асаны. Пыталась повторять аффирмации – изменять установки сознания по методу Луизы Хей – и разочаровалась. Одно время ее увлекала дианетика Рона Хаббарда. Но люди, с которыми она столкнулась на этом пути очищения сознания с помощью так называемых одитингов, и вовсе не внушили ей доверия...

И недавно Людмила подружилась с женщиной, разделявшей ее поиски с точки зрения науки. Новую подругу звали Мария Бархатова. Она была сотрудницей Санкт-Петербургского Музея истории религии.

Так что Людмины духовные поиски не закончились совсем, а приостановились на распутье – между религией, эзотерикой и наукой. Как у того богатыря из сказки: «Налево пойдешь – коня потеряешь... Направо... Прямо...» И она колебалась, чувствуя, что где-то рядом находится самый нужный именно для ее природы путь. «Только вот где?» – часто думала Людмила, открывая по вечерам очередное сочинение по новой методике жизни. И читая опус некоей вспыхнувшей на горизонте «звезды», какого-нибудь Петрова-Козлова-Свияша, она думала про

себя: «Все вроде так. Но я знаю, что все настоящее делается просто. И где-то должен быть ключ к внутренней гармонии».

Наконец она собралась и вышла на улицу, где стоял ее симпатичный новый «Лексус».

С машинами была целая история. Начиная она ездить на «Ниве». Дубравин объяснил ситуацию просто: «Не жалко, если ударишь!» Ну а потом, когда уже выучилась, по очереди пересаживалась с «Киа» на «Хонду», затем на «Мазду» и вот теперь ездит на «Лексусе». Хорошая, комфортная машина. После полуспортивной «Мазды» идет мягко. Дорогу держит. И полна всяких разных штук, которые делают езду очень комфортной.

* * *

На четвертом этаже в большом зале, где раньше была газетная верстка, построена студия и размещено оборудование. Тут и расположилась она со своим монтажером и оператором одновременно. Зовут этого малого Сергей. Несмотря на свой простоватый вид, парень интеллигентный, а самое главное – классный специалист, профессионал. Умеет работать и с камерой, и с компьютером. Знает, как выстроить кадр и сюжет.

Третий в их группе – водитель Петрович, человек тихий и безотказный. Готов ехать когда угодно и куда угодно.

Сегодня у них съемка. Людка быстро поднимается на этаж, где уже сидят ее шустрые помощники. Делает пару звонков. И командует: «На выход!»

Дело не ждет. А ждет их заведующая этнографическим музеем, в котором есть замечательная действующая русская печь-матушка. И рассказ о ней кажется Людке Крыловой чрезвычайно интересным.

На заре своей телевизионной карьеры она безоговорочно верила тем гуру, которые когда-то посвятили ее в профессию. Верила в рейтинги, в необходимость искать жареные факты. Снимать такое, отчего бы люди ужасались и переживали. Но потом, когда она переехала в провинцию, внимательнее присмотрелась к жизни, ей стала очевидна масса вещей, которые уже давным-давно проповедовал Дубравин. Она стала ясно понимать, что нашему народу не нужна вся та шелуха, которой его пичкает «зомбоящик». Что весь этот мусор из каких-то «звезд», скандалов и сплетен абсолютно бесполезен для людей. Это пена, которая дает рейтинг. А рейтинг, он как мертвая вода в сказках. Не оживляет народ, которому нужно другое. Найти себя. Свой корни.

* * *

Автомобиль «Логан» с синей табличкой «Телевидение» на лобовом стекле остановился у небольшого старинного здания. На его парадной двери красовалась надпись «Музей этнографии».

Они дружно вывалились на улицу со своими камерами, кофрами, штативами, светильниками и переходниками. Прямо на пороге дорогих «мастеров телевизионных искусств» встретила моложавая румяная женщина с озорными глазами, одетая так, как одевались в деревнях лет сто тому назад. То есть в расшитый сарафан, цветастый платок, ленты и мониста. Она живо представилась:

– Паулина Петровна, старший научный сотрудник. И ваш гид на сегодня!

Людка смотрела на ее раскрасневшиеся щеки, крепкую грудь, и ей самой захотелось быть вот такой вот хозяйшкxй-хлопотуньей.

Но мечтать было некогда. Надо было браться за дело.

Договорились быстро: снимать будем живую, в процессе. Нынче это модно, когда журналист сам пробует печь хлеб, ковать железо, запрягать лошадей или «бить баклуши».

И вот уже друженько улеглись в поддувало поленья. Разгорелась, шурша и чуть коптя, береста. Пять минут, и печь загудела.

– Запела! – заметила улыбчивая хозяйка.

Пока печь нагревалась, набиралась жаром, Паулина Петровна, которую так и тянуло назвать тепло, по-домашнему тетей Пашей, пригласила гостей «попить чайку – разогнать тоску» из давно уже поспевшего пузатого медного, начищенного до блеска самовара.

Присели. Хозяйка засыпала в чайник ложечку скрученных зеленых лепестков, залила кипятком. Насытившись водой, развернувшись, листья дали густой аромат хорошей душистой заварки. Струей полился кипяток в разноцветные китайские фарфоровые чашки без ручек – пиалы. В вазочках объявилось на столе варенье разных сортов. Вишневое, клубничное, черничное и земляничное. Одно слово – пир горой.

И так им хорошо посиделось втроем! И такой интересный раскатился разговор, что Серега не выдержал и встал из-за стола. Начал снимать беседу.

– Мне мама рассказывала, как пекли хлеб в послевоенные годы, – в порыве откровенности говорила Крылова. – Домов люди лишились. Жили в бараке, где у каждой семьи было по комнатухе. Поэтому никаких собственных печей ни у кого не было. Тогда женщины решили, что на пустыре за баракom надо построить одну большую общую печь. На всех. И по очереди ею пользоваться. Так и сделали. Моей маме выпало ее топить по пятницам. С утра она ставила тесто. И уже к вечеру хлеб выпекался. Да какой хлеб! Не хлеб, а хлебушко. Настоящий, румяный, с корочкой хрустящей. Она доставала его, смазывала сверху топленным маслом, заворачивала караваи – круглые булки – в полотенца. И так он остывал. Томился. А потом мы всю неделю его ели. Я тогда совсем мелкой была. Но запах этого хлеба прекрасно помню. И ожидание чуда...

Людка расчувствовалась. И даже раскраснелась от детских воспоминаний.

Мудрая Паулина Петровна внимательно слушала Крылову, не перебивая. Только подливала душистый чай в цветастую пиалу.

– А еще мама делала так. Когда я простужалась, она вытащит хлеба, выгребет золу, застелет печку изнутри соломой и пустит меня туда – посидеть, погреться. А там такой жар! Такой непередаваемый жар! В минуту пропотеваешь. Вся простуда убегала. Я помню. Так вот лечили, без таблеток. Да и не было их тогда...

Но вот пришло время действовать. Паулина-Паша достала поднявшееся тесто. Замесила его. Обмяла. Заложила в формы... А по ходу дела шел рассказ:

– Надо дожидаться, когда прогорят дрова. И останутся угли. А пока мы с тобою украсим караваи разными узорами из теста. Пропекутся – будут на хлебе и цветочки, и петушки, и солнышко. Давай, действуй!

Почему бы не попробовать? Крылова взялась за дело. И главное – у нее получалось. Видно, заложено это в генах. В тысячах тысяч поколений русских женщин, что пекли свой хлеб, качали колыбели и пели народные песни.

Загремела металлическая лопата, на которой отправились в огнедышащее жерло формы с батюшкой-хлебом.

– В наших краях, конечно, пекли в основном ржаной. А вот южнее, там предпочитают белый хлебушко. Там мука, что и говорить, лучше, – лился плавный рассказ Паулины-хозяйки. – Печь, вообще, была центром жизни в избе. На ней обычно спали старики и дети. У каждого было свое место: у кого на печи, у кого на полатах, рядом. Зимой возле печи всегда собиралась вся семья. Женщины пряли. Мужики что-нибудь чинили. В печи и парились по банным дням. Раньше знаешь, какие они огромные были! О-го-го! Два мужика в печь залезали! С тазами. Это уж потом бани появились. После купания ложились на печь. Чтобы не простужаться... Печь всегда ассоциировалась с женщиной. С женской жизнью. И судьбой. С печью столько обрядов связано...

– Да? – Людке действительно было интересно. И она только успевала задавать вопросы, искренне удивляться и радоваться этим новым знаниям.

– С печи начиналась женская жизнь! – рассказывала дальше Паулина. – Когда приходило время сватать девушку, в доме появлялась сваха. Заходит и начинает прикладывать руки к печи. То есть греть. Это был сигнал. Значит, пришла она с разговором. В ответ девушка, если ей этот разговор нужен, начинала ковырять глину из печи. Так вот, пальчиком. Это сигнал для свахи. Можно начинать выполнять миссию. Сваха заводит свою песню, мол, у вас товар, люди дорогие, а у нас купец! Нахваливает. Если купец девушке был не по душе, то она залезала на печь... Вот так вот дела делались. Деликатно. И не надо было особо ничего говорить... Печь, она была живая. В ней всегда горел огонь. И детей рожали на печи. Считалось, что ребенок, рожденный на печи, будет обладать здоровьем и благами... Гадали по пламени. Если во время родов хорошо горит, не чадит – значит, все будет в порядке. Даже у самого нерадивого хозяина всегда у печи лежали сухие поленья. На всякий такой вот случай. По чурбачкам девушки гадали на суженого-ряженого. Закроют глаза. Достают из поленицы полешек. Если толстый, то и муж такой будет. Если корявый – то и...

– Может быть, уже готов хлеб наш насущный? – заметил оператор Серега, которому, кроме рассказов и басен, были нужны еще и живые кадры.

– Счас посмотрим! – ответила от печи хозяйка. И загремела заслонкой. – Ах, хорошо подошел твой хлеб. Поднялся! – сказала она Людке. – Видно, любит тебя мужик твой. Крепко любит!

Людка покраснела, как девушка. А Паулина заметила:

– Минут через пять будем доставать хлебушек-то! – И опять потек ее рассказ: – За печью в доме жил хозяин избы. Домовой. Ему всегда в уголке тут ставили кашу. Чтобы добрым был. Помогал. Бывает, хозяин уедет на торжище и загуляет. Тогда хозяйка берет в руки полено и кочергу. Встает вот здесь. И просит домового: «Дым-домовой! Верни хозяина домой!» Печь – это было сердце дома. Вокруг нее все вертелось. Ну, давай доставать будем. Ух, хорош! – подхватывая на противень румяные буханки и караваи, приговаривала Паулина-Паша.

– А дух-то какой! – сказала Людка, отламывая кусок от каравая.

Хлеб удался. Удалась и передача.

Прощались с хозяйкой музея уже как-то по-другому. Душевно, по-родственному. С подаренными Паулиной караваем и булкой вернулись в студию – монтировать, писать авторский текст, искать и накладывать подходящую мелодию. В общем, работать.

Все дни, пока доводили передачу до ума, ломали хлеба, отрезали по кусочку. Ели духовитую мякоть. Наслаждались.

V

Серый, ребристый фасад пятиэтажного здания областной думы, нового места его работы, отлит из бетона и стали и вряд ли может называться шедевром архитектуры. Да и стоит само здание как-то так, притулившись боками к двум параллельным улицам.

То ли дело – стоящее недалеко здание областного правительства. Самый центр. Впереди большая площадь с черно-чугунным памятником Ленину. Вокруг скверы, зелень.

Перед думой, правда, тоже есть небольшое пространство. Но оно, конечно, не тянет на гордое звание площади. Так, расширенная проезжая часть улицы. И это расположение много говорит о месте законодательной власти в стране. Сбоку припека.

Вот на этой самой проезжей части частенько появляются люди. С плакатами. Сегодня тоже стоят. Это бабушки и дедушки, а также две молоденькие девушки. В общем, пикет. На плакатах лозунги: «Льготы детям войны!», «Достойные пенсии детям войны!» Рядом ходят сборщики подписей в фирменных красных фартуках с надписями и коробками в руках. Для пожертвований.

Дубравин давно знает, откуда у этой инициативы растут ноги. Мысль проста, как вале-нок. Тех, кто родился с сорок первого по сорок пятый, они предлагают уравнивать по статусу с ветеранами войны. У них, мол, было трудное детство. Дубравин эту идею не воспринимает. Ветераны бились за страну, за народ, заслужили почет, уважение и льготы кровью и потом. А среди тех, кто родился в годы войны, много разных. Вон, его братец Иван, царство ему небесное, тоже народился тогда. Всю жизнь только и делал, что водку жрал ведрами. Таким тоже льготы и почести?

Впрочем, коммунакам не важно, кто да что. Главное – прозвучать. Поймать волну. И они прекрасно понимают, что люди наши халяву обожают...

На входе в здание – металлодетектор. Прошел. Показал красное удостоверение. Вежливый круглолицый полицейский в новой элегантной форме козырнул ему в ответ.

Кабинет открыт. Ключ торчит в двери. Значит, помощник уже пришел. Только бродит по этажу. Так оно и есть.

Дубравин уселся в кресло, и Олег появился в дверях с заварным чайником в руках. Чернявый, худощавый, улыбчивый паренек, приехавший недавно вместе с родителями из Казахстана. Из тех, что знают, чего хотят. И строят свою жизнь, не растекаясь мыслью по древу, а деловито и осмысленно. Шаг за шагом. Кирпичик за кирпичиком. Он юрист. В его обязанности входит отслеживание всех особенностей законодательного процесса. А пока он заваривает утренний чай и подает шефу аналитическую записку о повестке дня. В повестке обычно около сорока вопросов. И без Олега вникнуть в каждый из них на ходу практически невозможно. Тем более что продрааться сквозь дебри параграфов и специальных терминов может только профессиональный правовед.

– Пришли ответы из правительства, комитета по охране природы. И из облсовпрофа, – осторожно говорит помощник.

– И что? – отрываясь от чтения, спрашивает Дубравин.

– Две отписки. Один положительный.

– И то хорошо! – замечает шеф. – Подготовь письмо с нашими предложениями по ужесточению антиалкогольного законодательства. И отправь его в юридический отдел на экспертизу.

– Сделаю! А когда подпишете?

– Как сделаешь, так и подпишу. В нем надо предложить ограничения по времени, возрасту, поднять штрафы за продажу алкоголя несовершеннолетним... И не забудь про энергетические коктейли указать. Надо же такое выдумать! Сволочи! Мешают водку с кофе и сахаром

и называют это пойло энергетиком. И впаривают детям! Надо сформулировать эти предложения грамотно. Со ссылками на законодательства других стран. У нас это любят. Как, мол, в цивилизованных государствах.

Олег уселся напротив и начал разбираться по существу в вопросах, внесенных в повестку дня.

Для большинства наших людей процесс появления того или иного закона является тайной за семью печатями. Они чаще всего видят заключительный этап процесса. Сидят в большом зале хорошо одетые, сытые люди. И нажимают на кнопки. Но на самом деле главные события разворачиваются совсем в других местах. Сначала появляется так называемая законодательная инициатива. Или идея. Вот как в данном случае. Отрезвить молодежь. Садятся юристы, знакомятся с чьим-то опытом. И пишут свои предложения. Направляют их на рассмотрение экспертов. Те покумекают. Предложат что-то свое. Или отвергнут инициативу. Скажут, например, что закон неисполним. Или противоречит Конституции.

Но, предположим, эксперты дадут положительный отзыв. И предложение пойдет по инстанциям. Например, в правительство. Там прочтут, поправят. И спустят в Думу. Там предложения рассмотрят на профильном комитете. Комитет даст свое заключение. Принять. Отклонить. Или отправить на доработку.

И только в том случае, если думские инстанции согласятся, закон попадает в повестку дня сессии. И депутаты решат – быть по сему. Или не быть ничему.

Иногда в ходе таких походов от предложения ничего не остается. Например, хороший по сути закон о техосмотре автомобилей так «доработали», что коррупция при его исполнении возросла во много раз. Только взятки теперь берут не гаишники, а страховщики. Как говорится, и на старуху бывает проруха.

– Александр Алексеевич! Обратите внимание вот на эти пункты, – говорит Олег. – Речь идет об увеличении площадей, сдаваемых в аренду предпринимателям. Похоже, это многоходовая комбинация по приватизации городских гостиниц. Схема здесь такая. Люди, приближенные к нынешнему мэру Хокину, взяли в аренду за смешные деньги городские гостиницы. И сдают их в субаренду коммерсантам, зарабатывая по миллиону евро в год на этих операциях. В ближайшее время гостиницы будут приватизироваться. И первоочередное право на получение их в собственность получают так называемые арендаторы. Но по закону город имеет право сдавать в аренду только до пятисот метров одному арендатору. Вот они и хотят его изменить. Увеличить площадь до двух тысяч. Чтобы успеть до приватизации прихватить эти куски городской собственности для себя. А потом проглотить их «по-честному».

Дубравин даже присвистнул. Его прямо-таки поражает способность наших чиновников извлекать выгоду из своего положения. «Ну ладно, посмотрим! – думает он. – Вынесут ли они этот вопрос на голосование... Еще не вечер!»

Наконец Олег огласил весь список. И они, попив чайку, отправляются дальше. Теперь следующий этап подготовки – заседание фракции.

* * *

По слегка запутанным ходам и лестницам он спустился в большой зал с огромным столом посередине. Зал этот уже почти полон солидными «пиджаками», которые пожимают друг другу руки и рассаживаются в черные кресла.

На сегодня в думе заседают четыре фракции. И та, в которой работает Дубравин, самая многочисленная из них. Через несколько минут в дверях появляются члены совета. Впереди председатель. Небольшого роста, седой, лысоватый мужчина по фамилии Ручников. За ним следуют заместители.

История политической карьеры Ивана Ивановича Ручникова весьма длинная, как и эволюция его взглядов. Начинал он ее при коммунистах. В областном комитете партии, где заведовал сельскохозяйственным отделом. Затем попеременно побывал в разных партийных объединениях, был при делах у губернаторов-коммунистов и теперь вот востребован при государственнике и реформаторе.

Дубравин Ручникова уважает за то, что он профессионал. И еще потому, что в самом начале двухтысячных о нем хорошо отзывался Николай Болгов, тот самый директор совхоза, который помогал ему во время его первой выборной кампании.

А Дубравин добра не забывает.

Марина Сорокаумова – давний боевой товарищ – за прошедшие годы высоко взлетела. Сегодня она и председатель отделения самой главной партии России, и заместитель Ручникова по думе. Вросла, так сказать, в элиту. Но не загордилась. И помогает Дубравину, чем может. Хорошим советом. Тонким аппаратным подходом.

Загадкой для Дубравина остается второй зам – Молчалин. Говорит он тихо, без эмоций. Вперед не вылезает. Аккуратный такой персонаж.

«Святая троица» уселась во главе большого стола. И заседание фракции главной партии пошло-поехало по накатанной колее.

Иван Иванович начал его с разговора о дисциплине труда. Стараясь никого не обижать, так как среди депутатов были очень влиятельные люди, он с некоторой долей возмущения произнес:

– Понимаете, многие депутаты не ходят на заседания комитетов, к которым они приписаны. Спрашивается, зачем избирались, если работать не собирались? Вчера на комитете мы не могли принять очень важный вопрос из повестки дня. А почему? А потому, что было от комитета четыре человека. Правильно я говорю, Татьяна Ивановна? – обратился он к полной черноволосой женщине, председателю комитета по здравоохранению. Та величаво кивнула головой, красивой головой:

– Да, было четыре человека. Два проголосовали за. Один воздержался. Один Кувалдин против. Поэтому нам все-таки удалось провести все решения!

– Ну хорошо, что так, – заметил примирительно председатель.

Дубравин вспомнил, что даже на пленарных заседаниях думы обычно отсутствует человек пятнадцать – двадцать. Были и такие, которых он вообще никогда не видел в этих стенах. «Видимо, думские мандаты им нужны совсем для других целей. Как Борисову, которому, чтобы не сесть в тюрьму, пришлось бежать за границу. Но в думе он все равно остается».

А в это время Ручников уже поднял другую тему:

– Сейчас у нас у всех вырастает огромная проблема. Это никель! Вот мы должны, я вас прошу, этот вопрос о разработке месторождения принять к сведению. И как-то помогать. Разъяснять! Это государственная задача! И решать ее должна федеральная власть. А они, понимаешь, приняли решение о разработке и все оставили на нас. Вы тут разбирайтесь с протестами населения... Сейчас идет такая работа по подготовке заявления... По никелю. Сейчас коммунисты начнут этот вопрос будировать. Но мы не будем включать его в повестку дня... Я вас прошу голосовать консолидированно...

Вся фракция приняла к сведению установку председателя.

«Действительно, – думает Александр, – по закону все, что находится в недрах, принадлежит государству. Оно и решает, что с ним делать, с этим добром. Ну а по совести? Кто-то там, в правительстве, принял решение разрабатывать месторождение в центре страны, где “золотые” черноземы, чистейшие реки и большой биосферный заповедник. Народ, конечно, возмутился. Но Москва далеко, а мы близко. И оказались между молотом и наковальней. И на кой хрен нам нужен этот никель, – думает он дальше, вслушиваясь в разгоравшуюся дискуссию. – Мы и так добываем сотни миллионов тонн разного рода полезных ископаемых. Ну, будут добывать

еще. Кто-то продает этот никель за границу. В чьем-то кармане осядет очередной миллиард долларов. А что нам-то с этого? Что останется? Край с грязной водой, загубленной природой?»

Эту свою точку зрения он не скрывал. И как-то высказал в разговоре тет-а-тет с губернатором: «Хотите честно скажу, что я об этом думаю?» Тот кивнул. Ну, Дубравин и сказал. А где конь с копытом, там и рак с клешней. Такую же позицию поддерживали журналисты его газет. Уже не раз управление внутренней политики в лице улыбчивого, но чрезвычайно хитрого «молодого, да раннего» карьериста беседовало с ним на эту тему. Но Дубравин принимал удар на себя. И корреспондентов в обиду не давал.

Вот и сейчас на заседании фракции послышался очередной наезд на газетчиков. Один старый хрыч – партийный прилипала-функционер – высказался по этому поводу:

– Вы посмотрите, что тут пишут в городской газете. Они дали слово этим смутьянам. А ведь в нашей партии, в нашей фракции, работает владелец этой газеты. Надо бы ему повнимательнее следить за своими журналистами.

Пришлось на такие выпады ответить.

Помогало то, что членом партии он не являлся. (После КПСС решил, что в правящие партии – ни ногой.) И задачу свою в думе он знал точно. Поддерживать губернатора. И добиваться принятия законов, ограничивающих спаивание молодых.

Но «все хорошее» рано или поздно кончается. Закончилось и заседание фракции.

* * *

Зал общих заседаний – амфитеатр с большими удобными креслами в красной обивке. Перед рядами этих кресел деревянная стойка, разделенная на секции. А в эту стойку-стол вмонтированы микрофоны. И самое главное «орудие труда» – система голосования. В ней пять помеченных значками кнопок. На первой изображен говорящий рот. Это кнопка для включения микрофона. Вторая – «минус». Значит «против». Третья «0» – «воздержался». Четвертая «плюс» – «за». И одна кнопка для регистрации.

Первое время во всей этой кнопочной демократии разобраться было сложновато. А потом привык.

Процесс законотворчества начался с обычной традиционной фразы:

– Уважаемые депутаты! Начинаем сороковое заседание нашей думы!

В этот момент какой-то торопыга из зала напомнил:

– Надо зарегистрироваться!

Ручников по-отечески успокоил его:

– Подождите, не лезьте поперед батьки в пекло! – А затем так же просто обратился к техническим работникам: – Включите систему голосования!

Дубравин нажал на первую кнопку с двумя крестиками.

На экране за спиной президиума начали плясать значки. Они сложились в цифру 42. Столько человек сегодня сообразовали выполнить свой долг.

«Сейчас в дело вступят коммунисты, – привычно думал Дубравин. – Ну вот, точно».

Встал глава коммунистической фракции, въедливый, серьезный мужик и произнес:

– Я бы попросил внести в повестку дня специальную резолюцию в поддержку незаконно арестованного главы Тачирского района товарища Питфеева.

Иван Иванович, однако, не поддержал эту инициативу и отклонил резолюцию. Его больше волновала чума свиней. Так что спикер предложил для начала заслушать доклад ветеринарного врача, который ожидал слова.

И незамедлительно на думской трибуне явился врач. Представительный и громкоголосый, он разложил свои бумаги и начал доклад:

– Уважаемые депутаты! Уважаемый Иван Иванович! У нас в сельскохозяйственных районах сложилась очень серьезная обстановка по африканской чуме свиней. В Н-ских районах на сегодняшний день уничтожено восемь тысяч голов. Буквально вчера зафиксировано заражение еще двадцати тысяч свиней в одном из крупнейших агрохолдингов. В связи с этим во многих районах на сегодняшний день запрещена реализация свинины. Установлен карантин. На границах выставлено более пятидесяти карантинных постов. Объявлена чрезвычайная ситуация. Чума идет с юга, из Краснодарского края, постепенно захватывая все новые и новые хозяйства. В общем и целом ситуация тяжелая не только в экономическом, но и в социальном плане. Для выявления путей заражения привлекаются ученые. Но понять, как такая напасть могла проникнуть на современные свинокомплексы, которые имеют четвертую степень защиты, не могут и они.

Слушая главного ветеринара, весь зал приуныл. Такая эпидемия, она ведь не только разоряет село, она еще и вызывает озлобление и обнищание населения. Дубравин, который баллотировался от пригородных районов, прекрасно понимал, о чем сегодня там говорят люди...

И словно в ответ на его мысли, оратор с трибуны продолжил:

– Огромные проблемы возникают с поголовьем, которое содержится на частных подворьях. Единственный способ остановить чуму – это ликвидация частных ферм, расположившихся в сельских катухах. – Он употребил слово из казачьего лексикона. И Дубравин живо представил свою деревню и эти самые сараи и катухи, в которых хрюкает благосостояние села.

Докладчик закончил речь. И народ принялся задавать вопросы.

– Вы можете гарантировать, что распространение болезни не экономическая диверсия? – задал вопрос владелец и главный менеджер большого мебельного холдинга.

– Да, многое кажется странным в нынешней эпидемии. Идет она с юга, с территории Грузии, Абхазии. Но к сожалению, доказать что-либо невозможно. Мы только вынуждены защищаться. Так, в Краснодарском крае проведена полная депопуляция стада.

«Экое он словечко ввернул. Научное», – подумал Дубравин. И представил себе, что кроется за этим словом – депопуляция. Это когда забиваются десятки тысяч живых существ. И когда он вообразил этот «свиной апокалипсис», ему стало слегка не по себе.

А в это время в зале заседаний уже начала разгораться дискуссия: кто-то из депутатов озвучил самую ходовую среди населения версию о происхождении эпидемии:

– На моем участке, а я там был только позавчера, люди прямо заявляют, что чума свиней запущена представителями больших аграрных холдингов. Так они расчищают поле от конкурентов. И люди требуют, чтобы правоохранительные органы разобрались в этом...

В дискуссию, как всегда, вступили радетели за народное дело – коммунисты:

– Мы уже инициировали запрос по компенсации населению за уничтожаемый скот. Почему до сих пор не принято решение, какая должна быть компенсация за уничтожаемых животных? Это диверсия...

С трибуны, которую еще не покинул представитель сельскохозяйственного начальства, донесся ответ:

– Решение о компенсации уже принято правительством области. Она составляет пятьдесят рублей за килограмм живого веса...

– А мы не знаем ни одного подворья в моем районе, где бы эту компенсацию уже получили...

Голоса с мест:

– С населением очень трудно работать. Население находится в шоковом состоянии.

Разгорелась бурная полемика.

– Коммунисты, – начал гасить страсти Ручников, – живут в другом измерении. При чем здесь диверсия? Дело-то идет о жизни крестьян. При советской власти было то же самое.

Давайте закругляться. Спасибо вам за информацию о происходящем на сельскохозяйственном фронте. Будем переходить к другим вопросам. Нам еще предстоит утвердить мировых судей.

Дубравин полистал толстенный «гроссбух». Нашел нужную страницу со списком.

В это время к трибуне вышел областной судья – маленький, «замороженный» человечек с продолговатым, как у кузнечика, лицом. И фамилия у него подходящая – Богомол. Дубравин уже немало знал и о нем. О том, что он создал систему, в которой за любое решение суда – праведное и неправедное – надо давать на лапу. Но, как говорится, не пойман – не вор. Знать – одно. А вот доказать...

За этим судьей выплыли на сцену (или подиум) кандидаты. В основном – женщины. Иван Иванович начал процесс представления этих новых вершителей судеб по очереди:

– Калинина Елена Ивановна представляется на должность мирового судьи Пролетарского района.

На несколько шагов вперед вышла молодая статная женщина, одетая по такому торжественному случаю в брючный деловой костюм, но с выглядывающей из-под пиджака кружевной блузочкой.

Дубравин машинально отметил: «Это сколько же сил и времени она сегодня потратила, чтобы принарядиться. А делов-то всего на несколько секунд! Женщины есть женщины».

Ручников тем временем задал вопрос залу:

– По Елене Ивановне вопросы имеются? Нет? Тогда голосуем.

Дубравин, как и все депутаты, нажал кнопку «за». На экране загорелся результат: «Единогласно».

– Решение принято. Поздравляем вас со вступлением в должность.

Конвейер работал быстро и бесперебойно. Не прошло и четверти часа, как все кандидаты стали судьями. Как говорится, из гадких утят да в белых лебедей.

Теперь дума перешла к основным вопросам. К голосованию по предложенным законопроектам. Здесь тоже существовал свой, уже отлаженный годами порядок действий.

На трибуну поднялся хорошо и модно одетый, красивый и ухоженный седовласый молодой мужчина. Дубравин знал его. Это был Иван Пичугин. Предприниматель, один из тех активных людей, кто в годы безвременья не дал загнуться делу. По молодости лет он был в рядах демократов. Участвовал во всех перипетиях политической борьбы. Не раз рассказывал Дубравину, какие баталии разворачивались тогда в думе: «Мы, бывало, по три дня с утра до позднего вечера согласовывали повестку заседания».

Но сейчас другие времена. И он дал информацию по простому и понятному всем депутатам изменению в бюджете:

– Уважаемые коллеги! Предлагается внести изменения в бюджет нашей области в доходной части. В связи с дополнительными средствами, которые поступают к нам из федерального бюджета, наши доходы увеличиваются на один миллиард двести двадцать восемь миллионов рублей. Из них получено на модернизацию школьного образования восемьсот семьдесят миллионов. Триста семьдесят восемь миллионов – на детские дома. А также средства на софинансирование федеральных программ. Но учтите, если мы их не используем по назначению, то эти средства будут изъяты из бюджета...

У оппозиции уже тут же возникли вопросы:

– Вот тут я вижу, что мы сокращаем расходы на сто тридцать шесть миллионов рублей. Это что значит? – спросил молодой и единственный в зале справедливоросс.

С трибуны ему пояснили:

– Это идет сокращение какой-то ненужной управленческой структуры в правительственном аппарате.

– А вот здесь, – возразил ему главный коммунист-оппозиционер, – новые деньги отпускаются на областной телеканал. А кто вообще смотрит этот телеканал? Мне кажется, надо рассмотреть вопрос о его существовании на профильной комиссии!

Его риторическое предложение повисло в воздухе. Все прекрасно понимали, что никто рассматривать его не будет. Потому как губернский информационный блок строился для того, чтобы освещать деятельность нового губернатора...

Зато когда разговор коснулся денег по онкоцентрам и больницам, дискуссия разгорелась с новой силой. Теперь уже в нее включился председатель думы:

– Валентин Петрович! Мы бабушкам ничего не сокращаем. Идет изменение структуры!

Перепалка затихла. Дальнейшее голосование прошло гладко. И повестка дня активно двигалась к концу. До тех пор, пока снова не всплыли поправки к закону об аренде городской собственности. Те самые, о которых Дубравина предупреждал его помощник. Чтобы перепроверить информацию, Александр обернулся к своему соседу, директору крупного предприятия и старейшему депутату, крепкому семидесятилетнему мужчине с жестким ежиком волос и железным рукопожатием тяжелоатлета. Спросил, притворяясь, что ничего не знает:

– А зачем увеличивать эти площади под аренду? Какая разница?

И старый зубр объяснил:

– Мэр и его шайка используют такую схему пользования городской собственностью.

– И кто же за этим стоит? – заинтересованно спросил Дубравин.

– Та группа людей, которая привела к власти нынешнего мэра. Это у них бизнес такой. Почему, думаешь, у нас в городе нет заправок ЛУКОЙЛа? Да потому что есть «свои» заправки. В которых бензин разбавляют чуть ли не ослиной мочой. Эти заправки принадлежат той же группе деятелей.

– Я голосовать за эти поправки не буду! – заявил Дубравин.

Но голосовать и не пришлось. Видно, кто-то уже все понял. И председатель просто не поставил этот вопрос. Пропустил со словами:

– Эти поправки не проработаны до конца. Мы вопрос снимаем.

Законодательная машина продолжала набирать обороты. На трибуну один за другим бодро поднимались то руководитель департамента финансов, то директор фонда обязательного медицинского страхования, то заместитель руководителя департамента агропромышленной политики...

В зале не умолкал голос «дирижера» Ручникова:

– Этот закон касается обманутых дольщиков. Он должен действовать один год. Надо закрыть тему. Просьба принять его в двух чтениях. Голосуем!.. В первом чтении закон принят! Голосуем во втором! Во втором чтении закон принят!..

На трибуне лысый импозантный мужчина в белом костюме. Заместитель начальника департамента. Дубравин уже имел с ним дело. Скользкий, лживый тип с наглыми бессовестными глазами.

О таких говорят: «Хоть ссы в глаза, ему все божья роса!»

Дубравин давно слышал от предпринимателей, что к нему без миллиона в сумке никто не заходит.

Сейчас он озвучивал план приватизации государственной собственности на будущий год. Ну что ж, план так план. Тут, как говорится, ничего не попишешь.

Все шло гладко. Но пару раз, несмотря на всю предварительную работу, законодательная «коса» все-таки натыкалась на «камни» – когда она задевала интересы бизнеса.

Рассматривали инвестиционную программу. И наткнулись на страусиную ферму. В России! Но пропустили. Хрен с ней. Приколно, а денег требует чуть-чуть. А вот очередной транш на строительство элитной гостиницы не пропустили. Поднялся крик. Первым пошел в атаку владелец крупного мебельного холдинга. Человек резкий, откровенный. Он озвучил общую

претензию депутатов, которая заключалась в том, что с деньгами вообще напряженно. А тут зачем-то уже несколько лет подряд область вкладывается в строительство элитной гостиницы. И задал совершенно закономерный вопрос:

– Кому нужно это строительство? Чей актив?

В зале поднялся шум. Вопрос сняли с голосования.

Дальше бучу поднял его сосед, «железный» пенсионер Преснянкин. Прочитав поправки, он заерзал в своем кресле. Речь шла о запрете содержания на первых этажах жилых домов кафе, ресторанов, распивочных и других общепитовских заведений. Дескать, они очень мешают спать жителям этих домов. Он включил микрофон:

– Предприниматели и так находятся под давлением. У них постоянно падают доходы, соответственно, и налоговая база. А если мы сейчас примем этот закон в таком виде, то потеем дополнительно миллионы рублей. Надо ли нам это?

Предприниматели – это курочка, что несет золотые яйца. Их беречь надо.

И Дубравин был абсолютно согласен с тем, что Ручников снял и эти поправки с голосования:

– До последующего повторного рассмотрения и внесения с новыми правками на комитете.

Но Александр понимал, что при нынешней думе эти поправки света белого не увидят. Утрясутся под сукном.

Заседание закончилось. И депутатский люд, оживленно разговаривая, покинул свой амфитеатр.

* * *

По дороге в кабинет к Сорокаумовой Дубравина перехватил Алексей Пономаренко – председатель комитета, Герой России. Бывший спецназовец. Он потерял руку на второй чеченской, но не сдался. Активничал на общественном поприще, преподавал. Потом избрался в депутаты. И вот уже второй срок заседает в думе. С Дубравиным они шли по одному округу. Вместе выступали перед народом.

Пономаренко – круглолицый, полнеющий, но крепкий, ядреный мужик – завел разговор о помощи в одном деле. Чтобы Дубравин посодействовал ему через публикацию в прессе. Речь шла о крупном воровстве в том районе, от которого они прошли в думу.

– Распни ты их, Александр Алексеевич! Гадов этих!

– Ты ж говоришь, они ничего не боятся. Поможет ли?

– Даже те, кто ничего не боятся, все равно опасаются гласности, дурной славы. Каждый хочет выглядеть прилично.

– Ну, попробуем! – ответил Дубравин. – Давай материалы! – а сам в это время думал про себя, вспоминая толстомордого главу департамента в белом костюме: «Если чиновник не боится – он ворует. Если боится – тоже ворует. Но со страхом. В советское время их лозунгом было: “отнять и поделить”. Теперь у них новый: “украсть и убежать”»!

С такими оптимистичными мыслями он прошел в кабинет Марины Сорокаумовой. Так уж у них повелось: посидеть после заседания, чайку попить. В комнате отдыха уже стояли фарфоровые чашки. Немолодая секретарша заварила чай и принесла его сюда.

– Рюриков уехал на неделю в командировку, – рассказывала новости Марина. – У него такой вот ритм жизни... Дорожный...

Но, оборвав начало будничного разговора, вдруг сказала:

– Ксан Ксеич, вот сколько здесь лет уже обитаю, а привык нуть к здешним нравам не могу!

– А что случилось? – добывая из вазы пятого «Мишку на Севере», спросил Дубравин.

– Гады! – не выдержала она. – Выложили на меня в Интернете пасквиль. На мои личные дела. Узнали... Написали... Подгадили... Мол, я хожу на поводке, – всхлипнула она.

Дубравин никогда не интересовался тем, что про него выложили в Интернете. Он вообще заглядывал туда только в том случае, если ему нужна была какая-то деловая информация. Так что он был не в курсе. Да и относился к сплетням, даже выложенным в виртуальном пространстве, абсолютно равнодушно. А она, конечно, хотела с кем-то поделиться своей болью:

– И кто выложил?! Мои же товарищи по партии. По команде. Я думаю, это сделал Парнов. Говнюк такой. Он давно метит на мое место. В глаза заглядывает, лебезит. А за глаза вот такие вещи делает.

Дубравину, конечно, было жаль своего человека, Марину Сорокаумову, но он уже давно понял, что такое аппаратные интриги:

– Марин, ты как будто не поняла, в каком гадюшнике живешь! Я только попал сюда – сразу сообразил, что за люди обитают в здешнем аппарате. У тебя вроде бы не должно быть иллюзий по этому поводу.

– Трудно привыкнуть. В глаза улыбаются. Готовы прямо расцеловать тебя. А на деле... Как вспомню – прямо все закипает.

– Назвался груздем – полезай в кузов, – ответил Дубравин, откусывая свеженькую зефирку в шоколаде. А в голову лезли мысли «по теме»: «Уровень развития политической системы в стране определяется достаточно просто. На самом раннем этапе политических оппонентов просто убивают. На следующем – сажают в тюрьму. Это уже прогресс. Ходорковский тому пример. Очередная ступень – это когда своих политических противников с утра до вечера судят. В этом особенно поднаторел батька Лукашенко. А сейчас берут пример и наши. Вон того же “Нахального” таскают по судам. То по одному делу, то по другому. И ему не до политических прений. Он только успевает из КПЗ под домашний арест садиться. Это свидетельствует о некоей продвинутости системы. Но высший класс – это когда политического противника компрометируют, используя его слабости. Вываливают в грязи. А потом отпускают. Он теперь уже все равно не поднимется. Это знаменитая история с главой МВФ Домиником Стросс-Каном. Или с парнем этим из “Викиликса”. Это ж надо! Найти его бывшую подругу, с которой он жил. Уговорить ее подать заявление об изнасиловании. И просто за незащищенный секс завести дело. Вот это действительно мастерство! Нашим местным лапотникам еще до этого далеко. Они умеют либо взятки подсовывать. Либо вот так, как с Сорокаумовой. Потихоньку, по-подлому разместить в интернете какой-нибудь гнусный пасквиль. На большее ума не хватает. Ни ума, ни таланта. Впрочем, чего ждать от людей, которые никогда ничего не строили. Только вынюхивали, выслеживали, писали доносы...»

Так что «чаепитие в Мытищах», как называл Дубравин этот стандартный ритуал, закончилось на той же минорной ноте, что и началось.

Шагая по длинным «коридорам власти», он вспоминал и свои непростые отношения с приближенными губернатора, которые сейчас складывались по принципу: «Жалует царь, да не жалует псарь». Это его и удивляло, и расстраивало. Он привык относиться к людям доброжелательно, без предрассудков и задних мыслей. А тут... И он рассмеялся, вспомнив слова своего товарища, пришедшего из бизнеса в госаппарат и выдержавшего в нем всего три месяца. На вопрос Дубравина, что в этой работе главное, Мишка ответил:

– Там главное, кто первым донесет начальству плохие слова, которые о нем услышит.

VI

Сегодня праздник. Воскресенье. Он отслужил литургию в храме при монастыре. И теперь исповедует тех, кто остался после нее. Таких немного. Человек пять-шесть. В основном это женщины в платках и серых деревенских платьях. Они стоят в притворе храма. Ждут своей очереди. Тихо перешептываются, пока иеромонах Анатолий – весь белый (седая борода, седая голова), но в черном монашеском одеянии – неторопливо беседует с древней старушкой.

Бабушка с подслеповатыми глазами, чистенькая и опрятно одетая, торопливо рассказывает о грехах своей жизни. Видно, на пороге небытия ей надо хоть с кем-то поделиться своей неизжитой болью. При этом ее склонившаяся голова трясется в такт словам:

– Сразу после войны родила я сыночка. И уже потом, после родов, мне сказали, что младенчик умер. Но тело его мне не выдали. На него, мол, страшно глядеть... Я спросила у акушерки: а где он лежит? Она мне сказала: вон там. Я подошла. А там другой. Ну, я и ушла. Не стала больше узнавать, что да как. Такие мы были тогда. Забитые. Это сейчас все стали умные и настойчивые. А теперь вот я думаю, что его украли у меня. Мою кровиночку. И сейчас он где-то живет. И не знает даже, кто его родители...

Иеромонах, что в переводе с греческого значит «священник-монах», делает свою работу – накрывает ее голову епитрахилью, читает молитву, отпускающую бабушке ее невольный грех.

«И есть ли тут грех?» – думает он. Но произносит привычно:

– Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия, да простит ти, чадо Антония, вся согрешения твоя, и аз, недостойный иерей, властью Его, мне данную, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь!

Прочитал. Осенил ее крестным знаменiem. «Пусть идет спокойно. Наверное, скоро ей предстоит встать перед Господом», – думает он, ожидая следующего исповедующегося.

Еще одна женщина. Их всегда больше во много раз, чем мужчин. Бабуля. Толстая, рыхлая. Ноги отечны. Тоже вспоминает свою жизнь. Но по-другому:

– Я была в детстве инвалидом – руки не работали. Соседние дети надо мною издевались. Вы же знаете, дети, они, как бы это сказать, невинно жестокие. Они даже не понимают часто, что делают и говорят. Потом инвалидность моя ушла. Я поправилась. Было это лет пятьдесят назад. Годы прошли, дети выросли. И в семье этих выросших уже детей дочка сошла с ума. И меня охватило чувство такой радостной мести. Вот, мол, вам за все! Господь вас наказал. Я думала много раз над этим. И думаю, что это грех. И он вошел в меня. Прости меня, Господи...

Мужчина. Старенький, понурый, но еще крепкий. «Наверное, будет каяться в пьянстве». Ан нет. По другому поводу пришел:

– Тоскую я очень. Сын умер. И было ему двадцать пять лет. Как кого-то похожего на него увижу на улице, так сердце встрепенется, забьется. Даже руки начинают дрожать. Была у него язва желудка. Пошел он в армию. Там запустили. Переросло... Умер от рака желудка...

Опять женщина. Лет сорок – сорок пять. Лицо, ничего не выражающее. Как будто погружена сама в себя. Говорит монотонно, как сомнамбула. Не жалуясь, не осуждая никого. Но так, что самого отца Анатолия от ее рассказа потряхивает:

– Сосед меня взял насильно. Снасилничал надо мною прямо в огороде... Сначала бил. Потом повалил...

Его трясет от возмущения таким беспределом. По-хорошему ему надо эту информацию передать в органы. Но нельзя. Тайна исповеди. И он может только дать ей совет. Да ведь она в нем не нуждается. Позорище ей не нужно. Ну а вот кому рассказать, как не монаху? Обязан молчать.

Отец Анатолий выслушивает ее исповедь, не задавая лишних вопросов. Он не из тех страстолюбцев, что не так давно появились в церкви.

Есть такие, которые выдумывают так называемые генеральные исповеди и принуждают кающихся вспоминать самые невероятные грехи – как мысленные, так и плотские. Да, бывает, такие ставят наводящие вопросы, что бедные женщины сгорают от стыда. Потому что они даже и не знают о таких вещах, которые открывает им чернец. А сами исповедники, сладострастно копаясь в чужом грязном белье, испытывают, наверное, какое-то огромное удовольствие. Или, как бы это выразиться, сладострастие. Есть такие и у них в маленьком монастыре, где он теперь обитает.

Много лет прошло уже с тех пор, как майор Анатолий Казаков стал зваться просто отцом Анатолием. У монашествующих – фамилий нет. Начинал он свою церковную жизнь в знаменитой Псково-Печерской обители. Кажется, давным-давно он переступил порог того знаменитого места в надежде завязать со своим недугом и обрести наконец душевное успокоение в монастырских стенах. А теперь вот здесь. Но, видно, правду говорят. Куда бы ты ни пришел, в какую бы скорлупу ни спрятался, от себя не уйдешь. И все свои грехи и страсти принесешь с собою. Так и он. Пьянство он преодолел. Давно уже хмельного в рот не берет. Но вот женщины... Ох, эти женщины... Нет, он так себе ничего не позволяет. Но каждую ночь посещают они его в горячих и горячечных монастырских снах. Бабы эти.

Ольга. Вечно больная, замужняя. Лечил. Жалел. Маринка, которая развелась из-за него. А он ее отставил. Катерина – красавица, прелестница. Проститутка, которую он научил кончать. Машка – модель. Никак не могла найти верный подход к мужчинам. Не знала, как прилечь к мужику. Каким местом прилипнуть. Кларетта (так он про себя ее прозвал) – нимфоманка, готовая лечь под каждого. Ирина – лесбиянка, пытающаяся обрести свой женский статус. Катерина – сущий ребенок, хотя с вполне зрелыми женскими формами. Еще одна Ольга – хохотушка. Законница, помощник прокурора.

Всем он, чем мог, помогал. А имя им легион. Как бесам. И видно, желание это, сила мужская – последнее, что оставляет даже монаха.

Уж он и постится урочно и от себя. И молится на сон грядущий. А они словно смеются над ним. Будят, почитай, каждую ночь. Дразнят, бесовки. Может, мстят ему этим. За что? Да скорее всего за то, что имел он их. А не любил. А вот снайперша, та, с чеченской войны, что застрелил он тогда, ни разу не приснилась. Забылась, как сон.

Простила его Богородица. Отпустила.

А так-то проснешься ночью в горячечном сне в своей келейке. И на колени – молиться. Пока не отпустит. И утро. Вставать пора. На службу в храм. Потом послушание. Как говорит отец Парфений: «Лень – прародитель всех грехов. А если трудиться денно и нощно, то грешить некогда будет».

Хороший он человек, отец Парфений. Живет у источника. Добрый, свойский. Улыбчивый. Но не все здесь такие. Люди разные. Есть и суровые. Есть просто несчастные. А главное – все одинокие. Душою одинокие.

Прежде чем попасть в эту тихую обитель, где и спасаются-то всего десятка два насельников, он кое-что повидал. И многому научился в этой новой для него церковной жизни. Одно время он даже трудился помощником у правящего архиерея. Но карьеры церковной не сделал. Хотя сначала хотел. Не сложилось. Может быть, потому, что здесь, в церкви, стал он много думать. А тут, как в органах, дан приказ – выполнять.

Но времени много. Жизнь течет однообразно. День похож на день. Вот и думается. Много думается. О разном. В том числе и о методах руководства.

«Беда архиерейская, – считал отец Анатолий, – видеть недостатки людей, искать их и принимать решения на основе этой информации. А нужно видеть и плюсы, и минусы человека. На плюсах строить работу и взаимоотношения, а не на минусах. Где-то поддержать, подстра-

ховать и проконтролировать. Стратегия на минусах приводит к тому, что за одни и те же недостатки иных хвалят, а других гнобят».

В общем, люди есть люди. Делают ошибки, а потом исправляют. Ничто человеческое им не чуждо, отцам церкви.

В молодости его архиерей, когда был семинаристом, сильно любил одну девуцу. И, в общем-то, не собирался быть монахом. А хотел стать священником, жениться, завести деток. Но девушка не дождалась его. Выскочила замуж за другого. Вот с такого горя молодой парень и принял постриг. Ушел в монастырь. А теперь жалеет о том, что нет у него детей. Пресечется его род. И некому будет вспоминать о нем. Не будет его кровинушки на земле.

Так что в каждой избушке есть свои игрушки. И свои, как говорится, скелеты в шкафу.

Еще в тот период времени, когда он собирался делать церковную карьеру, отец Анатолий пошел учиться. И заочно окончил духовную семинарию. Тему дипломной работы избрал для себя достаточно близкую. Каким должен быть настоящий пастырь. И настоящий инок. Пришлось поусердствовать. Проштудировать отцов монашества, начиная от Василия Великого, Антония Великого и заканчивая нынешними. Особенно запомнилось ему наставление святителя, касающееся тех, кто уже ступает на путь иночества: «Прошу, пусть не делает (избравший этот путь жизни) сего без испытания, пусть не воображает себе жизни удобосносной, спасения без борьбы, а лучше пусть наперед упражняется в благоискусном терпении скорбей телесных и душевных, чтобы, ввергнув себя в неожиданные борения и потом не имея силы противостоять встретившимся испытаниям, опять со стыдом и посрамлением не устремился назад к тому, от чего бежал с осуждением души, возвращаясь в мир и делаясь для многих соблазном, подавая всем повод заключать о невозможности жить во Христе».

Диплом он тогда защитил. А карьеры не сделал. И может быть, потому, что кроме цитирования святых отцов древности он понял еще одну истину, не очень приятную, но зато точную: если в древней церкви пастыри выбирались самой общиной из своего состава, то теперь такого нет. И не представляется возможным. И церковь как иерархическая структура подвержена тем же недостаткам, что и обычные замкнутые корпорации такого рода. То есть, конечно, карьеры здесь делаются по-другому. Духовный рост и рост карьерный зачастую никак не связаны друг с другом. И, как говорится, соблюдение восьмидесяти основных нравственных правил, которые вывел еще Василий Великий, не гарантирует тебе, что ты станешь епископом.

Видно, такие вольнодумные замечания проскакивали у отца Анатолия не раз и не два. А может, кто донес. Что тоже не исключено. Но на посту помощника он не удержался. На прощание состоялась откровенная беседа с правящим архиереем:

– Твой уровень, Анатолий, – клирик многоштатного прихода! Поэтому тебе надо еще расти и расти...

На что новоиспеченный монах заметил:

– Владыка! Мы все условно пригодные в руках Господа. Ты, с точки зрения выборщиков, недостойн быть патриархом, а сам считаешь по-другому. Кто-то считает, что патриарх недостойн этого места. Наши мнения – это одно! А воля Божия – это другое!

Поговорили! Как чистой росой умылись. И родниковой воды напились.

После этого пробыл он какое-то время монахом в Оптиной пустыни. Но не прижился. Шумной она ему показалась. Не монастырь, а какая-то корпорация. Как наедет народишко на машинах. Заполонит всю гигантскую стоянку. И в храмах не протолкнуться. И во дворе у кладбища – как на торжище. Нет благоговения и тишины. Не понравилось отцу Анатолию и излишнее усердие при возвеличивании недавно убиенных насельников монастыря. Кто убил? За что? Не докопались! А часовню уже отстроили. И едва ли не святыми их сделали. Как-то не очень вяжется все это со смирением. И воздержанием, приличным в таком случае.

В конце концов оказался он здесь. Место тихое. Беленький монастырский корпус с зеленой металлической крышей. Ни стен, ни башен. Только купол над храмом да колокольня со

звонницей выдают его принадлежность к церкви. А так – прямо санаторий в лесу. Кстати говоря, в советское время этот монастырь и был отдан сначала под санаторий. А потом долго служил турбазой, с которой делались длительные вылазки на природу.

Но пришли иные времена. И турбазу вернули церкви.

Вид отсюда, особенно с колокольни, великолепный. Сплошь лес и реки. Народ мирный. Обитель тут отвечает за все. Окрестные жители ходят в монастырский храм – молиться, причащаться, исповедоваться. И эта тихая, однообразно-монотонная жизнь убаюкала. Что в мирской жизни сушая мелочь, здесь – событие.

Закончив свои служебные дела, Анатолий направился в братское общежитие, чтобы проведать старичка-монаха, который доживал последние годы здесь в тишине.

Бывший капитан, во время войны разведчик, он мирно коротает остаток лет в этих краях. И беседы с ним для отца Анатолия важны в смысле понимания жизни и Божьей воли.

А старичок интересный. Такой, как будто откуда-то из русской народной сказки вынырнул – старичок-боровичок. По имени Лука. С очень умными и чрезвычайно глубокими глазами. И бесконечными историями и присказками, которые он неторопливо, слегка заикаясь, рассказывает отцу Анатолию или забредшим послушникам.

Всегда он всем доволен. Ни на что не ропщет. И как кажется Казакову, ведет жизнь уж слишком простую и какую-то, как определил для себя отец Анатолий, «травяную». Дадут поест – поест. Скажет спасибо. Забудут – тоже не обидится.

И за все, за любое, даже малейшее для себя услужение все время благодарит Господа Бога. Повторяя раз за разом: «Слава Тебе, Господи!»

Отец Анатолий, примеряя на себя будущую, маячащую где-то там, далеко за горизонтом, старость, думает, что он таким вот божьим одуванчиком вряд ли будет. А будет, судя по всему, он дедом ворчливым и требовательным.

От этого старичок Лука кажется ему еще более притягательным. Хочется ему понять, таков ли он на самом деле – безропотный и смиренный. Или все-таки где-то там, в глубине души, не остыли еще желания. И, стало быть, не святой он человек. А притворяется.

Но такой «удачи» ему пока не выпадает. И сегодняшний разговор с дедушкой Лукой все о том же. О военных воспоминаниях и о жизни в церкви. Так как, судя по всему, других впечатлений у деда нет.

Анатолий вошел, присел на край кровати. Спросил:

– Как самочувствие, отец Лука?

– Да уж скорей бы Бог прибрал. Надоело коптить божий свет. Устал, – тихо так ответил тот. – Ну а у вас как дела? В монастыре что нового?

А надо сказать, что при замкнутой, практически казарменной жизни в тихой обители далеко от людей любое событие из внешнего мира подробно обсуждается и оценивается. Иногда даже пристрастно.

– Да вот позавчера умерла Ляля! – заметил монах.

– Это какая? Не цыганка?

– Ну да, она. В крещении Галина.

А разговор возник оттого, что в ближайшем от монастыря селе несколько лет назад строился на жительство цыганский табор. И многие цыгане оказались крещеными. Стали захаживать в храм. И конечно, стали темой для пересудов. Вот и сегодня о них вспомнили.

– Померла вот она, – говорит отец Анатолий тихо. – Сразу после службы. Была у меня на службе. Исповедалась, причастилась. Я причащал. Вышла из храма – стало плохо. Мой помощник – из мирских – посадил в машину и повез домой. У него на руках и умерла. В дороге. Почему умерла – точно не знаю. В прошлое воскресенье не приходила на службу, чувствовала себя плохо. А в это решила обязательно прийти. Кто-то говорит, что у нее астма и в баллончике кончилось лекарство. Иные говорят, что-то еще было. Как-то все по-русски – безалаберно... Но

поразило меня другое. Не смерть. Когда я ее отпевал, мне показалось, что цыгане разыгрывают меня. Покойница лежала, как живая. И улыбалась. Я спросил у пономаря Саши...

– Это который семнадцать лет в тюрьме провел? – уточнил отец Лука.

– Ну да! Так я его спросил: «Смотри, она улыбается?!» «Да! – говорит он. – Она же после причастия, когда приняла в себя частичку Бога». Вот так вот. Отпел я почти сотню человек. Но улыбающуюся во гробе видел первый раз.

Старец покряхтел, подумал. Очевидно, о своем.

– Единственное, чем утешаюсь, что мы не можем прибавить себе ни одного дня жизни. Правда, и убавить не можем.

– Да!

– Хотя есть такие люди, которые могут знать, – продолжил свою мысль Лука.

– Это как? – вежливо поинтересовался отец Анатолий, понимая, что сейчас последует очередной нравоучительный рассказ о чудесном.

– Есть такие! – начал старичок. – В одном из крестьянских домов на хуторе нас троих во время войны расквартировали. На несколько дней. Хозяин жил один. Это был старик неопределенного возраста. Может, лет ему было за восемьдесят. Или около того. По вечерам он зажигал керосиновую лампу. И читал книги. Нам, бойцам молодым, было интересно, что он там все вычитывает. На наш вопрос он ответил вопросом: «Грамотные?» И дал мне книгу. Я стал читать, но не мог понять смысла. Слова по отдельности были понятны, но вместе они как-то не складывались. Я сказал деду, что ничего не понимаю. Старик ответил, что я и не пойму. А потом добавил: «Вот что, сынки, война закончится весной сорок пятого года!» Мы стали над ним смеяться. Как в сорок пятом году? Идет только сорок второй. Советская армия наступает. Великая битва под Москвой закончилась разгромом фашистов. Какой сорок пятый год?! У деда что-то не в порядке с головой! «Да нет, сынки, с головой у меня порядок. Война закончится весной сорок пятого. Один из вас троих останется в живых и про меня вспомнит». Так оно все и вышло. Война закончилась девятого мая сорок пятого. Один из троих, который остался в живых, это я. Что за книгу читал дед, я так и не узнал. Таких я больше не видел никогда. Только до сих пор интересно узнать бы, что это была за книга.

Чудеса, видения, совпадения – всего этого в монастырях много. Тут каждый день надо не зевать, а внимательно смотреть за неторопливым бегом времени. И каждое событие, каждый знак осмысливать.

Отец Анатолий вернулся к себе в келью. Присел на лежанку. Сейчас, с часу дня до четырех, у него выпало немного свободного времени. Посидел в раздумье: «Сходить, что ли, на источник искупаться? Водички святой попить. Нет, пожалуй, надо простирнуть бельишко».

Монастырь небольшой. Своей прачечной нет. Но машинка стоит импортная. Так что можно воспользоваться. А в голове все вертятся слова Луки: «В молодости я не понимал, что я молодой. А сейчас я не понимаю, что я старый!»

«Душа, она не стареет! – решает вопрос отец Анатолий. – Это тело изнашивается. Вот и не знаем мы – старые или молодые на самом деле. Это как душа себя чувствует. Вот я. Старый? Как это определить? Может, по способности любить? Где она, эта способность?»

Забрел в бытовую комнату с узелком белья. Заглянул в ванну. Мамочки мои! А там две мыши! И как они туда попали? Неизвестно. В мирской жизни он бы их пристукнул. Или выкинул. А тут событие. Стал изучать.

Мыши, видимо, просидели в холодной ванне всю ночь. Одна совсем придохла. Другая еще бегают. Она и крупнее, и подвижнее. Чтобы выжить и согреться, она придумала такой способ: становится передними лапами на более слабую и согревается ею.

Анатолий постоял, посмотрел. Чтобы не вступать самому в борьбу с мышами, пошел в столовую. Принес оттуда черную, как монашка, кошку. Она глянула через край ванны. И застыла в каком-то недоумении. Ступоре. Постояла. И ушла. Анатолий загнал обеих мышей в

банку. И выпустил в огород. Та, что покрупнее, сразу бросилась бежать. А замерзшая уселась отогреваться. Он ушел. Минут через десять пришла в комнату кошка. Принесла ослабевшую мышь. Поиграла с ней. И съела.

Так и течет монастырская жизнь. С ее маленькими событиями. И большими человеческими проблемами.

VII

«Годы мои немаленькие! – думает Дубравин, доставая градусник из-под мышки. – Здоровья уже не прибавляется. Вот и новая напасть. Стал просыпаться среди ночи. И пялиться глазами в темноту... Ого, тридцать восемь. Поэтому и знобит. Надо все-таки принять таблетку и доспать».

Проглотил жаропонижающее и снова прилег в тишине. И поплыл.

Мысли тягучие, вялые. Текут одна за другою медленно-медленно, как облака на сером небе. А потом провал. В небытие. И откуда-то из глубины сознания выталкиваются картины. Прошлого? Будущего? Кто знает?

Горячий липкий туман окутывает его. Маленького мальчика. Он болен. Тело горит. Лихорадит. Бьет озноб. И нестерпимая дергающая боль. Нога превратилась в огромную, распухшую, огненную, сине-красную колоду. Все плывет перед мокрыми от слез глазами. И он тихо постанывает в те моменты, когда пульсирующая боль становится невыносимой... В спальне светлой комнате никого. Только он и дядька Андрей в своей неизменной бело-черной морской форменной робе. Красивый, с белым лицом и моржовыми усами.

Он ударился коленом, когда полез на полку за книгой. И теперь второй день лежит на кровати в спальне, украшенной по стенам картинами – «Иван-царевич на Сером Волке», «Курочка Ряба», «Илья Муромец». Лежит и просит Боженьку о помощи, обратив омытое слезами лицо к киоту, где развешены десятки икон с ликами святых. Маменька и папенька заняты. У них прием. Там, внизу, на первом этаже. Неотлучно в доме дежурит чернобородый доктор. Он уже сделал все, что мог. Поставил компрессы. Наложил повязки. Дал порошки. Но боль не отступает.

«Ну почему я не такой, как все другие мальчики?» – шепчет он про себя. А вслух просит дядьку:

– Поверни мне ножку!

Тот старательно, пытаясь не причинить новых страданий, перекладывает на подушках этот горящий комок боли. Слышны шаги по лестнице. Снизу поднимается встревоженная мама. Она в белом пышном платье. И в ослепительно сверкающих бриллиантах. По комнате разливается запах духов. Но лицо ее полно тревоги и страдания.

– Мама, – шепчет он, обнимая ее за шею. И вкладывает в это слово всю свою надежду и всю боль, которая терзает его.

– Потерпи, миленький! Потерпи, маленький! – в ответ шепчет она. – Скоро приедет наш друг. Он поможет.

День томительно тянется к вечеру. Тени в окнах удлиняются. В комнате загорается электрический свет.

Наконец на лестнице снова слышны чьи-то шаги.

На пороге спальни появляется высокий чернобородый человек с пронизательными серо-голубыми глазами. Его длинные волосы и неухоженная борода контрастируют с голубой щегольской шелковой рубашкой, заправленной под ремешок, и блестящими высокими сапогами. За ним идет мама с лицом, полным одновременно тревоги и надежды.

– Дорогой мой, маленький! – говорит человек, становясь на колени у его кровати. – Посмотри на Боженьку. Какие у Него раночки. Он одно время терпел, а потом так стал силен и всемогущ! Так и с тобой будет!

Черный человек, склонившись у кровати, шепчет горячую безыскусную молитву. Потом берет мальчика на руки... Тот чувствует, как его окутывает неизвестно откуда появившаяся теплая сила... Она качает его, убаюкивает, уносит куда-то далеко-далеко. В небеса. Туда,

где летают ангелы, где Боженька... Где живут спускающиеся с иконы на стене спальни Вера, Надежда, Любовь. И мать их София...

Дубравин просыпается как от толчка. Выплывает из сна, не понимая, кто он. И где он. Ведь сон этот ярче, чем сама жизнь.

А жизнь – вот она. Окружает. Заставляет думать о делах.

Пару минут он еще пытается бороться. Удержать видения. Но со всех сторон начинают проникать будничные мысли. О работе. О сегодняшнем приеме граждан. И никуда от этого не денешься.

* * *

Посетителей за день было немало. Последними пришли ребята-националисты. Двое. Один такой крепенький, спортивный. А второй, главный, интеллигентный, но видно, что упертый. Представляют некое объединение с расплывчатыми целями. На следующей неделе в Москве большой митинг. Хотят поехать. Нужны средства.

Дубравину они понравились. А вот руководители этого так называемого Народного союза – нет. Он доходчиво объяснил ребятам:

– Движение – это хорошо. И то, что вы выступаете против ювенальной юстиции – тоже здорово. Потому что для России такая юстиция не годится. Даже в Европе эти «детские инспектора» и то беспредельничают. Забирают детей из семьи, чтобы зарабатывать деньги. Люди есть люди, а не ангелы. Если есть структура, значит, она должна оправдывать свое существование, что-то делать. А если есть безграничное право отбирать детей у родителей, почему бы им не воспользоваться? У нас же эта ювенальная юстиция превратится в нечто чудовищное. Только Дума отобрала у наших чиновников возможность торговать детьми из детских домов на экспорт, как они нашли новый источник доходов. И уже наверняка потирают руки. Ведь это какой рычаг для выкачивания денег! Какие возможности для шантажа бедных родителей! Если что не так – отберем ребенка! Да любой при такой ситуации выложит сколько угодно, чтобы сына или дочку оставили дома! От ювенальной юстиции пойдет такая коррупция, что нам и не снилось. Вы думаете, чиновники о детях заботятся, требуя ее введения? Нет, конечно! О своем брюхе они заботятся! А вам, молодые, активные люди, надо выступить единым фронтом.

Но денег для поездки в Москву все-таки дал!

Вообще, представление наших людей о возможностях депутатов, в чем он не раз убеждался, странное и искаженное. Им кажется, что депутат – это о-го-го! Силища! Скажет! Позвонит! И все их проблемы решатся!

Но на самом деле если у депутатов нет собственного ресурса, то официальные возможности их весьма ограничены. Что он может сделать? Запрос. Звонок. Визит к начальству. Но сегодня все в конечном итоге решают только деньги. И Дубравин всю свою депутатскую зарплату и выделяемые фонды, а также часть доходов от бизнеса направляет на решение больших, а чаще всего маленьких проблем.

Пока идет прием людей, он записывает их нужды в блокнот. Потом анализирует эти записи. И решает – кому помочь.

До того, как стать народным избранником, он частенько удивлялся: люди идут с такими мелочами. Но во время выборов получил и усвоил один важный урок.

Дело было на встрече в каком-то селе. В маленькой сельской больничке. И беседа с персоналом была хорошей. Под конец народ, как обычно, разговорился, стал выкладывать свои проблемы.

– У нас тут бинтов не хватает! Халаты новые не выдают. А старые все износились! – наперебой жаловались сестры и нянечки.

Ну, Дубравин по ходу дела шепнул сидевшему рядом Алексею Пономаренко: «Тоже мне проблемы! Нашли с чем идти к депутату!»

Но тот не согласился:

– Ты что, Александр! Это нам их проблемы кажутся ничтожными. А для них это очень даже серьезно!

С тех пор для него маленьких проблем и маленьких людей нет.

Вот и сейчас, выпроводив последних посетителей, он с Олегом принялся читать записи. И решать, кому чем можно помочь.

– Так вот, давай, Олег, будем сортировать. Зачитывай весь список!

– Людмила Петровна Яковлева. Прежний мэр пообещал квартиру. Даже ордер смотровой показали. Потом обманули. Дали ордер в развалюхе.

– Направим запрос новому мэру. Проясним ситуацию до конца. Если надо, заострим дело через печать!

– Галина Михайловна Азарова. Умер брат. Отделил лицевой счет. Нет денег, чтобы платить по счетам. Малоимущая. Говорит, дайте сто тысяч, а то сожгу себя на площади.

– Это та, которая вся расфуфыренная и духами воняла?

– Ну да!

Дубравин уже много раз сталкивался с тем, что среди просителей немало таких, которые приходят к нему с выражением лица: «Вы мне должны!»

Но он не возмущается. Привык. Поэтому скомандовал Олегу:

– Напиши, что возможности помочь нет.

– Понял!

– Стёпкина Любовь Михайловна. Улица Полевая, дом семь, квартира семь. Дали квартиру в общежитии. Инвалид. После операции. Нет туалета. Просит помочь со строительством...

– А кто там начальник ЖКХ? Чей дом?

– Некто Брузанин.

– Давай обратимся к нему!

– Попробуем! Но сомнительно.

– За спрос не ударят в нос!

– Щеншина Тамара Васильевна. Десять лет мучается с соседями. На седьмом этаже, а она живет на шестом, расположился какой-то суррогатный цех. Разливают водку паленую. Гулянки, пьянки. Пьют вместе с милицией. Она уже все инстанции прошла... Помощи нет. Бойтся расправы.

– А мы чем можем помочь? Может, она сгущает краски?

– Направим запрос в прокуратуру!

– Ну давай попробуем.

– Наши старые знакомые – детский ансамбль «Родничок». Просят денег для поездки на фестиваль.

– Дадим!

– Из фонда?

– Из личных средств.

У Дубравина по зрелом размышлении установился некий порядок в благотворительности. Просителей много. А денег мало. В первую очередь он старается помогать детям. Потому, что их судьба еще не написана. И глядишь, с его помощью они обретут что-то новое. Что касается старших возрастов, то тут дело сложнее. Он спрашивает просителя: есть ли у него семья? дети? почему они не помогают? И чаще всего слышит один и тот же рассказ о том, что дети бессовестные уехали, нас бросили. Или еще более того: «Мы с ними разругались». А то и вовсе: «Да, что дети! У них своя семья. Своя жизнь!»

И тогда он понимает, что не все ладно с этим человеком. Что он сам заработал такую свою судьбу. Одинокую и печальную. В таком случае единовременная его помощь вряд ли что-то изменит.

Вот и сейчас он понимает, кому из длинного списка просителей надо помогать, а кому поможет только Бог.

* * *

Особая статья – лоббирование.

Дубравин передал управление делами в руки своих сподвижников. Они уже выросли в крупных руководителей. Черноземов с его подачи стал даже депутатом районного Совета. Уважаемым в издательском деле специалистом. Да и другие, что называется, подтянулись. Галя Калужская развернулась в своем небольшом по меркам страны городе, как дай бог каждому. Распространитель Тимашев тоже стал на крыло. Возит прессу в десяток областей.

Подросла и молодежь. Павел Корнев управляется сразу с двумя предприятиями. Серега Читков взял на себя издание «Молодежки» почти во всем Центральном регионе.

Ветераны, что называется, не стареют душой. Директор типографии, полковник в отставке Александр Павлович прямо ожил на новом месте, поднял производство с нуля. Радуют они все его своими успехами. Но иногда все равно приходится вмешиваться. Как сейчас.

Несколько дней назад пришел Тимашев. Принес плохие вести. После выборов нового-старого президента началась какая-то вакханалия. По всей стране местные власти принялись рубить сук, на котором сидят. Уничтожать киосковые сети, в которых продаются газеты и журналы.

Они словно в одночасье забыли о том, что именно традиционная пресса позволила выиграть выборы. И не будь ее, интернет-стихия размазала бы кандидата от партии власти, раскатала бы по бревнышкам его программу.

Дошла волна и до их мест. Мэр, которого с утра до вечера долбили газеты холдинга, принялся проявлять неуместное усердие. Тоже решил «упорядочить» торговлю периодикой.

Пришлось огрызаться.

Издатели собрали большой «курултай» в городе Ч., на который съехались серьезные люди из столицы нашей Родины города-героя Москвы и окрестностей – от Владивостока до Смоленска. Народ собрался на серьезный разговор. А из мэрии, которой этот разговор больше всего и касался, никто не изволил прийти.

С ним это редко, но бывает. Дубравин сорвался. И голосом, звенящим от ярости, высказался по этому поводу:

– Мочить надо! Они уже забыли, кто принес им победу! В соседней области тоже так было. Но когда газеты начали бучу, они задумались!

Ну и так далее. Причем в выражениях не стеснялся.

Конечно, «добрые люди» тут же побежали донести «нехорошие слова» Петру Андреевичу. Но номер не прошел. Сам затребовал запись речи. Принесли. Послушали. И губернатор так ввалил «добрым людям», что у них надолго отпала охота наушничать.

В общем, едва Дубравин отбил – тут новая напасть. Больше десяти лет поставлял Тимашев прессу в государственную сеть. А тут вдруг от его услуг отказались. И передали поставки конкурентам. Конечно, в отрасли все знают друг друга досконально. И конкуренты эти известны своими методами работы. Их основным аргументом во всех переговорах является «барашек в бумажке». Взятка наличными.

– Мои попытки выяснить, почему с нами так поступили, – рассказывал Дубравину молодой директор, – ни к чему не привели. Я знаю Степаныча много лет. У нас с ним доверительные

отношения. Но сейчас он ушел в глухую несознанку. На все мои расспросы отвечает, что ему дали такие выгодные условия поставки, что он решил перейти к ним. Это, конечно, является полной ложью. Выгоднее условий, чем у нас, ему никто дать не сможет.

В России бизнес – это война без правил и пощады. Дубравин сразу понял, что дело здесь нечисто. Многолетний опыт ему подсказывал: конкуренты дали большую взятку. И директор рискнул, пошел на эту авантюру. Вопрос только в одном. На какой уровень они «занесли». Вряд ли самому Степанычу. Он слишком мелкая сошка, чтобы нарываться на скандал. Значит, выше. Либо заместителю начальника управления, либо самому.

В понимании Дубравина большая часть нашего чиновничества вышла из гоголевской «Шинели». Но сейчас эти Акакии Акакиевичи, так называемые маленькие люди, выросли, отъелись и превратились в монстров. Это не значит, что среди них нет нормальных людей. Таких он знал множество. Они тянут свою лямку, стараются, что-то делают. Но есть среди них и такие, которых Александр делит на виды и подвиды. Это «упыри», «вурдалаки», «гоблины», «вампиры» и «оборотни».

«Оборотни в погонах» – известный широкой публике бренд. Это в массе своей силовики различных ведомств. Чаще всего они «крышуют» – охраняют чужой бизнес.

А вот «вампиры» заняли место братков из лихих девяностых и обложили данью тех, кого смогли. Сосут кровь потихоньку.

«Вурдалаки» отличаются тем, что не стесняются ничего – рвут куски чужого бизнеса, участвуя в рэкрете. И урча, пожирают жертву.

Поэтому, явившись в приемную начальника и дожидаясь хозяина, Дубравин пытался понять, с кем он имеет дело в данном случае. И попутно размышлял о том, какое влияние на наше чиновничество оказало монголо-татарское иго...

«Не от Византии и Третьего Рима ведут они свою родословную. А от ханских баскаков, так называемых бесерменов, наводивших ужас на жителей покоренной Руси. Поэтому и привычки, и манеры у них соответствующие. Никогда не утруждают себя такими понятиями, как точность. Чиновник изначально “велик” и всегда “занят”. Необязательность – это их нормальное состояние».

Но вот по коридору словно пронесся шорох. Задвигался, зашевелился рассекаемый воздух. И в дверях приемной появился ее хозяин. Увидев его, Дубравин непроизвольно подумал: «Неужели “упырь”?»

«Упыри» – самая тяжелая категория. Эти делают вид, что с утра до вечера радеют за дело. И их главная черта – постоянное и неизменное лицемерие. Кроме того, основной жизненный принцип прост до чрезвычайности – какое бы дело ни попадало к нему, какую бы бумагу он ни подписывал, первая его мысль: «А что с этого можно поиметь мне лично?»

Все опасения Дубравина полностью подтвердились во время разговора. По лицу начальника было видно, что он с огромной радостью послал бы депутатишку туда, куда Макар телят не гонял. Но так как перед ним «человек из команды», то приходилось терпеть, юлить и рассказывать сказки.

Он, явно показно, позвал своего заместителя. И тот незамедлительно явился с самым сокрушенным видом. Они некоторое время разыгрывали перед Дубравиным комедию в стиле «я начальник – ты дурак». В конце главный строго пообещал разобраться в ситуации и наказать виновных. Из кабинета Дубравин вышел полностью убежденный, что все они участвуют в деле. И куш, конечно, получили немалый.

«И что делать с этим “крапивным семенем”? Его сколько ни пропалывай, а оно все равно растет! Губернатор уж вроде всех поменял. Но и новые берутся за старые делишки. В крови у них, что ли, это? – крутилось в голове Александра. – Хотя, впрочем, в истории есть примеры, когда императоры и цари находили на них управу. Вот Иосиф Виссарионович – тот действовал террором. И у него аппарат работал. Конечно, не за совесть, а за страх. Но работал. Или взять

Мао Цзэдуна. Тому пришлось этот аппарат просто разгромить, разнести во время культурной революции по камешкам. Так сказать, расчистить место для реформ. И уж Дэн Сяопин начал Китай успешно реформировать. Китайцы понимают, что на бюрократическую государственную машину можно воздействовать только террором. И у них успех налицо. А у нас? А у нас – как в той басне: “А Васька слушает да ест”. История, понимаешь! Аппарат, понимаешь! Без него никуда. Но и с ним Россия никуда не идет и не пойдет. Какие бы там наверху магические заклинания ни говорили. Хорошо, хоть губернатор – человек! Настоящий человек. Но и ему в одиночку с этим “крапивным семенем” не справиться!»

VIII

Его тюнингованный черный «Мерседес» бесшумно проскользнул в открытые ворота усадьбы и въехал на территорию. Дубравин с заднего сиденья привычно отметил про себя опрятность и вежливость дежурного полицейского в новенькой форме. И стал разглядывать открывающийся из окон машины парк: аккуратно подстриженный кустарник, зеленые лужайки, красивая, с позолоченными куполами церковь.

«Мерседес», ведомый твердой рукой бывшего разведчика-десантника Виктора Палахова, въехал на просторную стоянку, где уже стояло несколько дорогих блестящих иномарок.

Когда-то здесь, вдали от городского шума, в лесном массиве, на берегу притока большой речки, стояла усадьба. Дворян выжили, но коммунисты оказались тоже не дураки. Устроили в этом чудном месте свое «лежбище». Под названием «Обкомовские дачи».

В девяносто первом коммунисты «перекрасились» в демократов. И дачи благополучно дожили до наших дней. Хотя сильно обветшали и пришли в полный упадок.

Милиционеры на воротах стали пускать на эту закрытую территорию кого попало. И уже пошли разговоры о том, что надо бы отнять у номенклатуры эту зону и богатеям построить свои дома. Но этого не случилось. Пришел новый губернатор. Из центра. И в Заречном началась новая жизнь. Закипели реставрационные работы – восстановление по старинным чертежам дореволюционной дворянской усадьбы. С храмом, домом, гостиницей и прочими прелестями современной жизни.

Восстановленная усадьба стала местом сбора новой губернской элиты, которую Рюриков решил объединить в общественной организации под названием «Первые».

Дубравин как раз и приехал на очередное заседание в этот клуб.

Не торопясь и любуясь зелеными лужайками, шагает он к месту сбора – красивому бело-розовому зданию с площадкой перед входом. Вдоль засаженного деревьями берега речки, где он проходит, стоят несколько вполне современных коттеджей. Это элитная гостиница.

«Все-таки наше представление о красоте и комфорте неподвластно времени и моде. Так же, как и наши предки, мы строим усадьбы на берегах рек, сажаем вокруг них сады и парки. Из века в век».

Массивная дубовая дверь не заперта. И он, толкнув ее, оказывается в аккуратной прихожей.

Откуда-то сбоку, из смежной залы по паркету скользнул ему навстречу стройный темноволосый человек в черном строгом костюме с явной офицерской выправкой. Это главный распорядитель приемов. Приветливо поздоровался:

– Здравствуйте, Александр Алексеевич! Ваши внизу, в соседнем зале.

«Ваши» – это комитет по организации Дня российского предпринимательства.

Дубравин проходит пару залов. Во внутренних помещениях, конечно, уже не было возможности восстановить все, как было до революции. Но видно, что реставраторы старались – собрали здесь старинные предметы, мебель, гравюры. Конечно, это не жилая усадьба. Это дом приемов. Но живой дом. Дышащий, теплый.

Как ни странно, в комнате, где они обычно собираются, еще никого нет. И Дубравин, пока народ где-то прохлаждается, принимается разглядывать развешенные на стенах портреты тех, кто когда-то жил в этих краях, участвовал в великих войнах, любил, страдал и боролся. Кроме портретов на стене висит гравюра с генеалогическим древом местных дворян. Дубравин с интересом рассматривает густые ветви, от каждой из которых идет по пять-шесть побегов.

Рассмотрев гравюру, он заглядывает в соседнюю комнату, которая, по-видимому, когда-то была то ли гладильной, то ли буфетной. Здесь лежат и стоят немногочисленные, но характерные предметы быта того времени: утюги, кастрюли, поварешки, посуда, комоды.

Пока он любит причудливым кокошником хозяйки этого царства, в соседней комнате раздаются оживленные голоса. Собрались на заседание члены комитета по празднованию Дня российского предпринимательства. Возглавляет их молодая миловидная женщина – владелица аптечной сети и многодетная мать.

«Нынешние женщины более активны в общественных делах, чем мужчины. Раньше сидели себе, занимались своим маленьким бизнесом, рожали детей. А тут вот взялись и хотят играть ведущую роль. Одно слово – феномен века», – размышляет Дубравин.

Дело идет быстро. Мужское жюри согласно кивает на все предложения председателя, видимо, действуя по принципу «чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало».

Эта мысль как бы защищает достоинство мужчин, великодушно дающих дамам возможность участвовать в делах. Заседание напоминает Дубравину школу, где девочки более успешны, активны, лучше учатся, но в конце концов остаются в жизни на вторых ролях.

Рядом в зале слышны новые голоса. По зеленым дорожкам парка, мимо цветочных клумб и декоративных растений, сходятся в просторный холл особняка разные люди. В массе своей хорошо одетые – в дорогие и строгие костюмы. Но без галстуков. Таков устав общества – приходить сюда, в клуб, без этого аксессуара.

Слышны чьи-то восклицания. Видны рукопожатия. Иногда объятия. Дубравин, который еще не стал здесь своим, многих не знает. Но все равно приветливо здоровается со всеми. Это люди одной крови с ним. Те, на чьих плечах, собственно говоря, и держится сейчас страна.

Они, конечно, не сахар. Многие со сложным характером. И все с непростой биографией. Но их объединяет одно. Они обладают повышенной энергетикой. Так называемой пассионарностью, которая и позволяет им работать в новой России.

С некоторыми из них он знаком по общим делам. С другими заседает в думе.

Вот на пороге появляется молодой подтянутый человек с по движным нахмуренным лицом. Евгений Махин начал свой бизнес с создания сети фитнес-клубов и вырос до крупнейшего в регионе застройщика. Пожимая его тонкую ладонь, Дубравин чувствует его горячий, нервный характер, характер человека, душой болеющего за дело. Его конек – современный менеджмент.

Следом появляется сосед по думе Иван Лапугин – интеллигентнейший человек, тонкий ценитель прекрасного. Он одновременно директор и владелец завода, на котором производится современное оборудование для газовых и нефтяных месторождений.

А вот еще интересный типаж – Геннадий Чешуйкин – всегда улыбающийся знаток йоги и восточных практик. Молодой, энергичный предприниматель, занимающийся производством мебели на всю страну.

В дверях появляется вихрасто-кучерявый, очень позитивный немец Штефан Бур. Приехал в Россию несколько лет назад. Начал дело с нескольких коров на личном подворье. А теперь владелец стада в несколько тысяч голов. Кучерявый и румяный Штефан ведет дело по-немецки аккуратно и педантично. И такой подход дает очень даже приличный доход.

Входит худощавый, с морщинками на щеках, но живыми и озорными глазами банкир с интереснейшей биографией. Начав трудовую жизнь начальником цеха на механическом заводе, он заканчивает ее директором крупнейшего банка.

Как говорится, пути Господни неисповедимы. Особенно в такой стране, как Россия.

Подтягиваются и другие капитаны «бизнес-флота». Кабельщик Михаил Сапожков – добродушный парень с интересным взглядом на мир. Мостостроитель Иванов – молодой мужчина, унаследовавший дело от отца. Владелец гостиничной сети...

Уже перед самым приездом губернатора начинают мелькать в толпе лица, приближенные к высшей власти.

Длинный, смуглый, носатый начальник внутренней политики. Известный улыбчивый интриган. Дубравин в первое время пытался выстроить с ним отношения, но вовремя понял,

что им не по пути. Следом является его антипод. Шумный, веселый – душа нараспашку – вице-губернатор. Он уже добрых два десятка лет крутится на орбите власти. То поднимаясь в вышние эшелоны, то возвращаясь в бизнес. Человек он хороший, это бесспорно. Но сегодня недостаточно быть просто деловым и умным. Надо еще и правильно подать себя. Такие времена. Если тебя нет в медиа то, что бы ты ни делал хорошего, для общественного мнения тебя как бы и нет.

Холл, который Дубравин про себя называет накопителем, постепенно заполняется. Разговоры в кулуарах разные. Но особенно длинных никто не заводит. Все ждут прихода Рюрикова.

Минута в минуту (Дубравин отмечает: «Точность – вежливость королей») появляется и он. Невысокий, сухощавый, элегантный. Но вытянутое лицо выглядит устало, под глазами мешки.

Народ выстраивается вдоль стен. Губернатор здоровается с каждым, успевая на ходу сказать пару слов.

Ожидая своей очереди, Дубравин в который раз отмечает про себя какое-то врожденное благородство Рюрикова. Чем-то он отдаленно напоминает ему последнего российского императора. Такой же спокойный, невозмутимый.

Одно слово – человек федерального уровня.

Только у него могла родиться и воплотиться идея собирать в одном месте, в одной организации всю элиту губернии, чтобы совместно решать возникающие вопросы и проблемы. И решают!

Много лет стоял в центре города недостроенный кафедральный собор. Но только с приходом нового главы стройка сдвинулась с места. И теперь все ждут патриарха на его освящение.

Два десятилетия ждал решения своей судьбы старинный театр. Сносить или восстанавливать? Хотя как восстанавливать руины? Но напряглись, скинулись. И Новый год справляли уже в отреставрированном здании театра, можно сказать, в новеньком, с иголки.

На глазах менялись городские дороги, на которые удалось получить приличные деньги из центра. Воспряли фермеры. Сельское хозяйство прекратили называть черной дырой, в которой исчезают миллиарды. Совковый аэропорт, который много десятилетий пугал своим туалетом впечатлительных путешественников, наконец-таки тоже начал реставрироваться. «Руку» губернатора Дубравин периодически обнаруживает в самых неожиданных местах. Как-то разговаривал с начальником железнодорожников и похвалил их за то, что они пустили дневной поезд до столицы. И к своему удивлению, узнал, что на этом настоял Рюриков.

Отздоровавшись, все чинно тянутся по лестнице на второй этаж, где есть зал для заседаний. По ходу дела, пока рассаживались на аккуратных стульчиках, Александр вспоминал, что говорил ему Рюриков при знакомстве: «Я сюда пришел на десять лет. Почему на десять? Да потому, что за такой срок человек может полностью воплотить в жизнь все свои идеи. А если сидеть и дальше, то начинается застой, безвременье, закисание. Глаз замыливается. И пришел я сюда – не бизнесом своим заниматься. Не деньги зарабатывать. Не карьеру делать. Я просто хочу, чтобы люди обо мне вспоминали по-хорошему. Был, мол, такой человек». В тот момент Дубравин, в сущности, все и понял. Что перед ним человек живой, творческий.

А в напичканном техникой зальчике в это время уже разворачивается привычное действие. Сначала им раздают отчет о деятельности организации. Отчет вкратце комментирует председатель собрания Борис Александрович – сухощавый, но чрезвычайно живой старик:

– Два миллиона потрачено на пять развернутых столовых для бедных, три – на реставрацию храма в селе Перечун. Еще шесть мы направили на обучение молодежи в бизнес-семинарах...

Пока идет эта рутинная процедура, Дубравин приглядывается к гостям собрания. Сегодня их двое. Это ученый, директор одного из институтов Российской академии наук.

И знаменитый музыкант, которого пригласила выступить перед высоким собранием супруга губернатора.

Профессор Шапошников из славного российского города Суздаля – настоящий типаж российского ученого, каким его изображают в советских кинофильмах. Со слегка растрепанными русыми кудрями, аккуратной бородкой и в очках. Одет в поношенный костюмчик и слегка стоптанные туфли. Одно слово – провинциал. Но вот тема его выступления вполне серьезная: «Есть ли у современной России настоящие союзники?»

Через полчаса и для Дубравина, и для всего зала становится ясно, что настоящих, серьезных, а главное, честных союзников у страны нет. Белорусский хитромудрый батька только и делает, что тянет из России на содержание своего режима кредиты, преференции и разные прочие нерыночные дотации. За годы независимости минский режим получил от нас не менее двухсот миллиардов долларов. И вернул их убаюкивающими рассказами о вечном славянском братстве и взаимной любви. При этом сам «последний диктатор Европы» в любой момент готов переметнуться на сторону Запада. Правда, при одном условии – что там будут давать больше.

Старый союзник на востоке, Назарбаев, тоже не слишком надежен. Но по другой причине. Он в любой момент может отойти от дел. Серьезного, толкового наследника у него нет, потому что куча детей и родственников хотят дорваться до власти. И попытки как-то выстроить претендентов по ранжиру натываются на их амбиции, в общем, кончаются ничем.

Так что партнеры наши вовсе не партнеры, а халявщики. А посмотрите, что на «ридной неньке» творится?..

Для Александра идеи профессора не новость. Но даже не в этом главный вывод для всех русских. Им пришлось время понять, что борьба за ресурсы шла всегда. И такой кусок, как Россия, вечно будет манить всех жаждущих поживиться за наш счет. Новым было другое. О чем и вещал бородатый профессор со своей трибуны:

– Конечно, сегодня нападать на Россию в открытую – это дело самоубийственное. Теперь вряд ли будет так, как в прошлые века, когда каждые как минимум сто лет мы переживали нашествие. То из степи, то с Запада...

Из зала раздался то ли вопрос, то ли реплика:

– Ну, про монголо-татарское иго все понятно. А европейцы где?

Профессор, не останавливаясь и не сбиваясь, ответил:

– Первая попытка – в тысяча шестьсот двенадцатом году. Великая смута. Поляки хотели подчинить нас себе. Вторая – в тысяча семьсот девятом году. Поход Карла Двенадцатого. Третья – в тысяча восемьсот двенадцатом – вся Европа во главе с Наполеоном двинулась на Россию. Отбились. В тысяча девятьсот четырнадцатом опять половина Европы попыталась нас расчленивать и уничтожить. И снова не вышло. С огромными потерями, но устояли. И тогда европейцы повторили попытку в тысяча девятьсот сорок первом. Дурак тот, кто сваливает все на Гитлера. За Гитлером и его ударными частями стояли все европейские страны. Одних итальянцев под Сталинградом и Воронежем мы уложили двести тысяч. А сколько было еще румын, венгров, поляков! Даже канадцы отметились. Даже братушки наши пёрли с немцами в надежде отхватить от России кусок. Попытки эти не кончились, и сейчас, в начале нового века, вполне возможен следующий накат. Но теперь они умнее и осторожнее. Как-никак у нас ядерных бомб на складах больше всех в мире... Думаю, они это понимают. И будут стараться действовать, как в девяностые. Снова вести информационные войны. Снова пытаться нас самих, дураков, побудить развалить собственную страну, которую мы с таким трудом на этот раз удержали... Поэтому в покое нас не оставят, постепенно шаг за шагом оттаптывая куски в виде ненадежных союзников и продажных друзей. Расчленив нас, раздробив, чтобы потом превратить в колонию и эксплуатировать наши богатства – вот вековая мечта наших соседей. И для них неважно, какой у нас общественный строй. Он для них всегда будет плох. Потому что единая Россия не устраивает никого.

Профессор сделал многозначительную паузу и продолжил:

– Я вот еще несколько лет назад был на одной конференции в Киеве. После заседаний мы с коллегами, чего уж греха таить, неплохо выпили и разговорились по душам. И я спросил украинцев: «Мы, мол, вам столько предлагали, чтобы вы вошли в Таможенный союз. Только что не готовы были назвать себя Украиной. А вы отказывались. Почему?» А они в ответ откровенно: «Да скоро вы распаетесь! И мы с европейцами придем и все даром у вас заберем». Вот такая вот картина маслом. Такие вот мечты у наших «братьев». И это новая реальность. Может быть, главное открытие для нас самих...

«Да! – подумал Дубравин. – Поневоле тут вспомнишь Александра Третьего, который говорил, что у России только два союзника. Ее армия и флот...»

После официальной части все двинулись вниз. К фуршетным столам. И как-то так получилось, что Дубравин оказался на этом пути рядом с Рюриковым. И они, как обычно, перекинулись парой слов:

– Ну как дела, Александр Алексеевич?

На что Дубравин коротко обрисовал состояние дел:

– Работаем, Петр Андреевич. Готовим очередную акцию.

– Привет тебе от отца Фотия. Я недавно был в Москве, с ним виделся.

– Ну и как он там?

– Процветает. Занят сейчас подготовкой выставки в московском Манеже. Выставка по истории России. Будет касаться царской династии...

– Надо взглянуть, когда откроется!

В этот момент уже вниз, в зал для фуршета, начал подтягиваться остальной народ. И к губернатору по делам подошли другие участники «пленэра». Дубравин понял, что у Рюрикова идет работа и здесь, и отошел к большому столу, где уже были разложены привычные закуски. Набор их был известен и почти не менялся – ни в зависимости от времени года, ни от места, где проходили собрания. Была фаршированная рыба, креветки на шпажках, рыбные котлеты, разного рода фрукты, овощи.

Появился вышколенный черно-белый официант. На руке у него балансировал целый поднос самых разнообразных благородных напитков. Дубравин уже давно прошел через искушения и слабости, встречающиеся на пути достаточно обеспеченного человека, и от молодого здорового питья водки в армейскую и корреспондентскую молодость он сначала перешел на якобы полезные красные вина. А теперь находился на стадии «бокальчик белого сухого», но каждый раз, поднимая этот самый бокальчик с белым, он с сожалением думал: «Если бы молодость знала».

У столика была привычная компания: директор атомной станции, владелец гостиничной сети, глава большого агрохолдинга.

Какое-то время ели и выпивали молча. Пока у Дубравина, которого прямо-таки трясло от полученного утром известия, не вырвалось:

– Вот гниды эти чиновники! Я уже год не могу передать имущество из одного предприятия в другое. Чтобы упорядочить их деятельность и прекратить перекрестное финансирование...

Все стоящие за фуршетным столиком слегка потупились и смутились. Привыкли, что разговоры в усадьбе идут благообразные, спокойные, как бы ни о чем. А он нарушил традицию.

Но Александр уже закипел, как самовар:

– А главное, все по закону. Документы в полном порядке. И отказ. Подаю в суд. Суд принимает решение – зарегистрировать. А они – снова отказ. Им закон не писан. Находят смехо творный предлог – нотариус не там запятую поставил! Они просто издеваются над нами и здравым смыслом. И что мне делать в таком случае?..

Владелец гостиничной сети, видимо, тоже задетый за живое, вещал, правда, о своих проблемах более дипломатично:

– Да что говорить! Сделали мы новую гостиницу. С эмче эсом договорились. Они тоже подписали, почти с первого раза. Наши пожарники мурыжили полгода и подписали.

Он огляделся по сторонам виноватым взглядом – не подслушивает ли кто. И добавил с некоторой долей отчаянности в голосе:

– Просто так, думаете, подписали? Нет. Дал взятку. Договорились с их начальством. Ну, мол, все. Три года, как полагается, по закону никто к вам не придет. И что же? Генерал уехал в отпуск. И позавчера приползает ко мне проверяющий. Я ему говорю: вы по закону не имеете права меня три года проверять. А он мне показывает письмо «трудящихся». Мол, по сигналу пришли. Пенсионерка написала, что в нашей гостинице нарушаются правила пожарной безопасности...

– Да они сами такие письма сочиняют! – вступил в разговор немецкий фермер.

– Это потому, что это государство – наш враг! – хорошо принявший на грудь очередной бокал Дубравин, как говорится, вставил «доброе слово». И помолчав, опять заговорил о своем, наболевшем:

– Вот что мне делать? Пойти взять ружье? Отправиться в эту налоговую и пристрелить эту собаку, которая мне мешает жить и работать?!

От соседнего столика, услышав столь резкое высказывание и шум, к ним подошел председатель собрания – хитрющий промышленник старого закала, занимающийся всем на свете – от строительства гостиниц до производства ракетных компонентов. Сухой, чтобы не сказать тощий, и в свои семьдесят лет выглядевший бойким живчиком. Он принялся тушить разгорающийся и грозящий нарушить благочинность разговор:

– Что вы? Что вы? Зачем так громко?! Никого не надо стрелять! Давайте лучше нальем еще по бокальчику. И выпьем за губернатора, который столько делает для области. Видно, нам его Бог послал, что после стольких бесславных лет наконец-то нам повезло и появился такой человек.

Что ж, тут, как говорится, ничего не попишешь! Это действительно правда. И все дружно зазвенели бокалами над фуршетным столиком, застланным белой скатертью.

* * *

Возвращаясь домой, Дубравин вспоминал давнишний разговор с губернатором. Разговор о подборе кадров. Исходили из того, что толковых людей мало. И непонятно как комплектовать команду. Рюриков считал:

– Надо находить достойных, а главное, порядочных людей. И эти люди, пусть они даже непрофессионалы, поведут дело по-новому, по-человечески. Они в свою очередь найдут себе достойных и порядочных товарищей. Так будут создаваться команды...

«В сущности, от такого подхода несет толстовщиной, – думал Александр. – О чем-то похожем писал в “Войне и мире” Лев Николаевич. Если, мол, люди гадкие и подлые собираются в кучу и составляют силу, то людям хорошим надо делать то же самое! Но увы и ах! Даже самые порядочные и достойные вряд ли могут сломать сложившуюся за века систему. Да к тому же в той зачумленной атмосфере, в которой живет госаппарат, и самые достойные люди меняются».

Так что по этому пункту у Дубравина было особое мнение. Он считал, что на чиновничество можно воздействовать только страхом. «Чтобы дерьмо не застывало, его надо как можно чаще мешать! Проводить ротации. Засидевшихся гнать в шею с должности».

IX

В последние месяцы Александра по ночам стали преследовать какие-то странные, яркие, как картины Ван Гога, сны. Иногда обрывочные, иногда цельные, с сюжетом и смыслом. Как будто что-то давно забытое, стертое из памяти, начало толкаться изнутри, пыталось всплыть из глубины подсознания на поверхность. С одной стороны, это его беспокоило, а с другой – как-то даже радовало. Потому что в этих ярких снах он жил и переживал что-то важное, радостное, бесспорное... Как будто во сне к нему приходили близкие-близкие, но давно забытые люди...

Их в комнате четверо. Он и три его друга – Коля, Алексей и Сергей.

Лобастый Коля – самый старший и самый близкий. Играют в солдатики.

Он разложил на столе карту сражения. И верховодит оттуда полками.

Сегодня он – Наполеон. А Коля – Кутузов.

Хозяин специально согласился на эту роль. Потому что все хотят выигрывать. И когда проигрывают, то обижаются. И потом их не зазовешь снова. А играть одному скучно. Вот он и стал Наполеоном при Бородино.

Ах, как азартно идут в атаку его блестящие кирасиры! Как мощно бьют батареи! Вот-вот его великая армия сметет русские полки в центре. И прорвется в тыл. Но увы и ах! Он уже видит, как куксится Коля-Кутузов, как начинает сжимать губы старший из братьев – восьмилетний Алексей. И подает команду трубить отступление. Дружба для него дороже победы. Тем более что историческая правда так до конца и не определена...

Битва-игра заканчивается спонтанно, потому что все «полководцы» принимаются разглядывать цветные картинки в большой исторической книге с заглавием «История Петра Великого».

...Еще картина. Вокруг простые, обычные русские лица. Кучера, дворники, лакеи, горничные. Он сидит среди них. И в руках у него балалайка. Как заразительно смешно наяривает он песню про ухаря-купца! Так что все смеются и радуются, глядя на него...

* * *

На работе у него на столе лежала красивая лощеная бумага. С замысловатым вензелем, украшенным митрою, и с пышным титулом, выписанным на церковнославянском. Это было поздравительное письмо от митрополита.

Дубравин водрузил на нос очки в дорогой оправе и, не торопясь, стараясь вникнуть в смысл каждого слова, вчитывался в стилизованные под рукописные печатные строки:

«В дни великого Торжества из торжеств – Пасхи Христовой от всего сердца приветствую Вас жизнеутверждающими словами, свидетельствующими о полноте нашей веры, надежды и любви: Христос Воскресе!»

Всякий день Пасхи Христовой – это день, когда светом Воскресения Христова все наполняется сиянием вечной жизни.

Возрадуемся и возвеселимся Празднику праздников, ибо ныне Свет Христова Воскресения наполняет смыслом жизнь каждого человека, создает основание для всякого благого желания, замысла и начинания. Святитель Амвросий Медиоланский так размышляет о том даре, который мы обрели благодаря Воскресению Господа и Спасителя нашего: «Во Христе мы обладаем всем...»

Дубравин дочитал письмо митрополита до конца: «Хорошо написано, профессионально». Но если раньше такие поздравления поднимали в нем душевный восторг, вызвали благоговение, то сегодня почему-то появились грусть и легкое недоумение: «Написал бы он

мне как-то попроще, почеловечнее, что ли. Ведь как-никак я для православной церкви вовсе не чужой. И храм он наш освящал».

Тут Дубравин вспомнил, как десять лет назад приезжал в его деревеньку седобородый, грузный, очень интеллигентный митрополит Амвросий. Как на клиросе пел душевно хор. И он не мог удержать слез, которые душили его во время этого праздничного действа по освящению восстановленного им с односельчанами храма. Тогда он получил первую церковную награду за труды. Медаль имени святого Митрофания. Да и с митрополитом они виделись не раз. То на рождественском благотворительном обеде. То во время празднования именин Его Святейшества. Не чужой вроде он человек. А вот обычного, человеческого в этой совместной работе Александру не хватает. Вот сейчас отписал бы просто, собственной рукой – два-три слова. И он бы, наверное, порадовался. А так... Хорошая бумага. Гладкая...

«Надо встретиться! – решил он для себя. – Тем более есть повод поговорить. Церковь так и стоит наша. Действует от случая к случаю. От праздника к празднику. Не так я себе это представлял, когда мы ее восстанавливали».

По молодости и некоторой наивности своей души Дубравин думал, что вот восстановят они церковь, найдут священника и заживет приход полной жизнью. Поселит он батюшку в дом, который купил специально для этого в Луговом. Будут они после служб попивать вместе чаи. Беседовать о высоком. О Христе. О душе. И закипит у них в этом дальнем уголке Русской земли новая жизнь. Сплотятся люди вокруг батюшки и церкви. Начнут просветляться. Возродят общинную жизнь.

Но все это как-то почему-то не сбывалось. Сначала они нашли священника, но тот отказался ехать в дальний приход, хотя Дубравин обещал ему достойную зарплату. Второго – из бывших военных – почему-то не утвердил митрополит.

Сегодня Дубравин подумал, что он чего-то не понимает в духовной жизни. Или в устройстве церкви... И решил сам сходить к митрополиту. Чтобы дал им хорошего попа.

* * *

В назначенный час его зеленый «крокодил» подъехал к крыльцу резиденции митрополита. И остановился у крыльца. Резиденция была симпатичным особнячком на территории монастыря.

Дубравин соколом взлетел по ступенькам. И оказался в приемной-предбаннике, где сидел миловидный молодой человек в добротной черной рясе и с аккуратно расчесанными на прямой пробор волосами. Дубравин привык видеть духовенство обычно бородатым. Поэтому вид такого молоденького ангелочка несколько удивил его. И даже слегка озадачил. Но он с собой справился. И спросил:

– А владыка на месте? Мне назначена аудиенция.

Пришел черед удивляться секретарю. Ломким юношеским голосом он отвечал:

– Владыка в отъезде! И вроде бы он никого не ждет!

Дубравин уточнил, что владыке звонила Сорокаумова. И ему назначено именно на двенадцать часов.

Юный послушник или семинарист (Дубравин так этого и не понял) стал звонить куда-то по телефону. Уточнять ход событий.

А Дубравин уселся в удобное кресло. И стал ждать, размышляя, о чем бы ему еще хотелось поговорить с владыкой, если можно так сказать, по душам.

«Конечно, деревенская церковь – в первую очередь. Второй вопрос – как совместить душевное совершенствование с этой мирской жизнью в бизнесе. С этими постоянными стычками, склоками, которые разъедают душу, не дают установиться так необходимому спокой-

ствию, душевной благодати, к которой, собственно говоря, и должны стремиться истинно верующие во Христа люди».

Был и еще один повод для постоянно грызущей его душевной тревоги и напряжения – дела семейные.

Дубравин давно фактически жил здесь, в области. У него была новая семья, дочка. А вот с разводом до сих пор ничего не решилось.

Причин было несколько. Во-первых, не знал, как сложится его здешняя жизнь с Людой. Как говорится, не зная броду – не суйся в воду. А потом – дети. Как их оставить, если они еще не встали на крыло. И приходилось им помогать. В подростковом возрасте такие вещи, как развод родителей, да еще и с «битьем посуды», просто так не проходят. Поэтому он ждал, когда уж они оперятся.

А еще ему было жалко Татьяну. Она так боится жизни, никогда не работала в условиях новой России. Но и вечно тянуться такая история не могла.

Поэтому, обращаясь к владыке, Дубравин в глубине души надеялся еще и на совет. И кто, как не человек такой высокой духовности и признанного авторитета, может дать его.

Время шло. И наконец в приемной началось движение. Заглянул в дверь суровый чернец с огненными глазами. Зазвучали в соседних комнатах голоса. Секретарь весь подобрался, напряжился.

Во дворе заурчал мотор автомобиля. Послышались шаги. И на пороге появился сам Амвросий. В обычной рясе и шапочке-скуфейке он не казался сегодня таким важным и осанистым, как на разного рода официальных мероприятиях и богослужениях. Его покрасневшее лицо с седеющей бородой отдавало таким розовым, сияющим светом, что Дубравин невольно подумал: «Есть в нем что-то детское, слегка наивное! Вот что дает внутренний покой. И благодать. Вот и хорошо! Такой человек быстрее поймет мои заботы!»

Прошли в кабинет. Он у митрополита был побольше, чем у Дубравина. И обставлен весьма солидно. Особенно удивили Александра колонны в углу. Часы в рост человека. Дубовая мебель светлых тонов. На стенах портреты патриарха. И иконы в хороших, а некоторые и в дорогих окладах.

Судя по всему, резиденция раньше была каким-то дворянским гнездом средней руки. И тут, где теперь кабинет иерарха церкви, была либо небольшая гостиная, либо танцевальная зала.

Разговор сразу пошел деловой:

– Ну, как дела, Александр Алексеевич?

Дубравин, стараясь особо не вдаваться в долгие подробности, начал рассказывать о работе «Трезвого дела»:

– Хорошо, владыка. На первом этапе мы запустились в основном в прессе. Начали выявлять факты продажи спиртного детям и подросткам. И по каждому факту давали публикации в прессе. Я сам начал вести передачу на телевидении, посвященную этому вопросу. Теперь же нам надо переходить от количества к качеству...

Митрополит внимательно слушал Дубравина, периодически поглядывая на него поверх очков и, видимо, пытаясь что-то понять в сидящем перед ним человеке. А Дубравин как-то так незаметно перешел к основному, за чем пришел:

– Но у нас есть проблема, которую мы сами без вашей помощи решить никак не можем. Речь идет о нашей церкви в Луговом. К сожалению, не удастся запустить ее в работу. Нам нужен постоянный священник. Чтобы хотя бы служил еженедельно. А лучше всего такого, который бы жил там.

И понимая, что священник – живой человек, добавил, как бы извиняясь за такую прозу жизни:

– Мы, владыка, ему уже и дом приготовили в деревне. С участком. И зарплату ему положим достойную, чтобы не бедствовал. Хотелось бы, чтобы человек был, как говорится, с душой. Болел за дело.

Амвросий согласно и одновременно начальственно закивал седой головой:

– Я поговорю с благочинным вашего района, чтобы он повнимательнее отнесся к этому делу. Подыскал хорошего человека на приход!

Вот вроде бы все сказано про официальные дела. Теперь хорошо бы и о личном, душевном поговорить. Но едва Дубравин раскрывает рот и пытается сказать, что вот, мол, владыка митрополит, хочу поделиться своими проблемами, как раздаётся треньканье телефона и голос юного секретаря по селектору:

– Владыка, звонят из Москвы! Срочно. Из отдела международных отношений. По поводу вашей поездки на конгресс...

– Соедините! – отвечает Амвросий. И взгляд его, направленный на Александра, как бы оправдываясь, говорит: «Вот видишь, милый. Занят я! Дела не отпускают!»

Дубравин – человек в общем-то догадливый. И тактичный. Он откланивается. И выходит. Про себя думает: «Ну ладно. Не получилось поговорить с митрополитом. Может, как-нибудь в другой раз. Или с отцом Мефодием посоветуюсь. В конце концов, он же тоже священник».

* * *

Прошло несколько месяцев. Но, видно, что-то в церковной машине не очень четко срабатывало. Как-то после одной из редких и коротких праздничных служб, которые иногда проводил благочинный в их церкви, Дубравин справился у него будет ли выполнена просьба общины. Будет ли дан им отдельный священник на приход? Но, похоже, благочинный (это был молодой, красивый, с породистым лицом священник, судя по всему, из успешных, хорошо устроившихся и вовсю строящих карьеру) был обижен и, может быть, даже раздражен тем, что «прихожанин» пошел мимо него в вышестоящие инстанции. И отнесся к этому вопросу без энтузиазма:

– Да, владыка митрополит вызывал меня. Беседовали. Сказал обратить особое внимание. У меня есть один молодой священник на обучении. И через полгодика, когда он будет готов, я вам его представлю. А пока я сам буду приезжать почаще. Сам буду служить!

Вроде все шло гладко. Дано обещание. Под это обещание община подняла ставку содержания священника. И стала ждать.

Но дни шли за днями, недели за неделями. А постоянный священник так и не появлялся.

Грустно было Дубравину наблюдать это бездействие. Но, как говорится, в чужой монастырь со своим уставом не лезь.

А люди у них в общине подобрались активные и деловые. И сидеть без работы не могли. Сами обихаживали храм. Заказали, отлили и повесили колокола. Подвели газовое отопление, организовали охрану. Начали думать о новой росписи. Много проблем было с узакониванием строения. Ни по одному плану в районе оно давно не числилось. Пришлось действовать через суд. По его решению местные власти признали церковь существующей.

Это были маленькие, но победы их прихода. А главного не было. Благочинный по-прежнему наезжал редко. Быстро отслужив короткую службу, садился в свою иномарку и торопливо уезжал в район. Там у него был главный храм, о котором он заботился. Там была и главная многочасовая обедня. Там был и основной доход.

Так что Дубравин теперь с грустью смотрел на храм. И понимал, что церкви ни этот храм, ни они сами по большому счету не нужны.

– Ну что ж, как говорится, на нет и суда нет! – повторял он иногда материнскую присказку. – Видно, не со зданий надо было начинать. Это нам урок. На Бога надейся, да сам не плошай!

Но было ему сначала от этих мыслей горько и грустно-грустно. Иногда он размышлял о причинах такой неудачи:

«А в чем же наша общая ошибка? Ошибка всего нашего народа? Может быть, в чрезмерных надеждах на церковь? В наших ожиданиях от нее чего-то особенного? В нашем тотальном непонимании простых вещей? Ну, хотя бы таких, что вера, религия и церковь – это разные понятия. Вера – это то, что горит в груди. Религия – это система обрядов, ритуалов, догматов, которые призваны зарожать и поддерживать веру в человеке. А церковь – это организация, корпорация людей, которая должна “продвигать” религию. И как в любой организации, в ней полно самых разных “человеков”, которые живут и работают, движимые не только верой, но самыми разными интересами – деловыми, карьерными, коммерческими, семейными. А мы, простые люди, думаем, что если человек одет в рясу и совершает разного рода ритуальные действия, то он уже по меньшей мере святой или на пути к святости. Наивные мы люди. Надо быть трезвее!»

Х

Огромную радость теперь ему, правоверному мусульманину Амантаю Турекулу, как именует он себя по казахской традиции, доставляет чтение хадисов. Они позволяют ему наслаждаться мудростью и красотой ислама, переданной от Аллаха через пророка Мухаммеда (да благословит его Господь и приветствует).

Вот и сегодня. Закончен день, полный забот и тревог. За окном его коттеджа метет пурга. А он – большой человек, ходжа Амантай Турекул – удобно устроился в кресле у камина и наслаждается чтением творений Аль-Газали, Омара Хайяма, Аль-Халладжа и других великих светочей ислама: «Воистину, женщина подобна ребру! Если пожелаешь выровнять, то сломаешь, а оставив такой, какая она есть, сможешь наслаждаться семейной жизнью, учитывая ее кривизну».

«Да, тонко сказано, – думает Амантай. – А главное, как это трактуют великие светочи ислама? В женщине имеется некоторая изогнутость характера. В полной мере исправить ее невозможно. Однако если это запустить, оставить без внимания, то она может прогрессировать и принять уродливую форму. Но и излишне усердствовать в выравнивании не стоит, так как характер подвержен ломкости. Сломить дух, уничтожить личность – легко, но для набожного человека категорически недопустимо!»

Отложив книгу в сторону и покрепче завязав пояс халата, он подошел к буфету, где у него стоит целая батарея разнокалиберных бутылок с виски, коньяком, вином. Достал хороший французский коньяк. Налил рюмочку, постоял, погрел ее в руке, ощущая ноздрями терпкий запах дорогого напитка. Пить залпом не стал. Прогдегустировал, сделав глоток. Вернулся на место. Сел.

«Ах, женщины! Женщины! Какие бы ни были наши отношения с ними, как бы они ни развивались во времени и пространстве, в конечном итоге они приведут нас либо к разрыву, либо к семье. В той или иной форме. Потому что каждая из них сразу начинает вить гнездо».

Сделав такой вывод, бывший премьер-министр, бывший мэр Алма-Аты, бывший министр обороны, аким многих областей, а ныне мэр казахской столицы вернулся к делам насущным.

«За двадцать лет нашей независимости я в буквальном смысле слова прошел все возможные ступени карьерной лестницы. И что же? Сейчас нахожусь в самом работоспособном, самом лучшем возрасте. Созрел как профессионал-управленец. Да разве я один такой? Сколько их сегодня в Казахстане – молодых политиков, управленцев! – размышлял ходжа Турекул. – А он все сидит и сидит. Пожирает наше время. Наши возможности. И когда же наконец уйдет на покой? Не будет же он сидеть до последней минуты. До последнего вздоха...»

Амантай встал из кресла. И прошелся туда-сюда по кабинету, пытаясь подавить поднимающуюся в груди обиду и раздражение. Он теперь все равно иногда обижается. Не так часто, как в молодости. Но... Бывает. И теперь повод для таких обид – несправедливость судьбы.

Он походил немного. Налил еще рюмочку коньяка. И уже было хотел выбрать на полке новую книгу для чтения. Взгляд его даже остановился на коричневой обложке «Государя» Макиавелли, но тут заиграл мелодию вальса телефон. Звонила Катерина. Его очередная задачка. Очередная женщина. Даже не женщина, а девчонка, характером подобная ребру, из которого ее сотворил Гос подь.

– Ты сегодня приедешь? – торопливо спросила она.

– Нет! У меня сегодня заседание! – даже не задумываясь, ответил он.

– Да?! Аманчик! Я так ждала тебя! – начала тянуть свою привычную песню Катерина.

Но он, настороженно вслушиваясь в вибрирующие нотки ее голоса, несомненно уловил фальшь. И понял, что она рада тому, что он сегодня к ней не приедет.

«Хитришь, гадина! – подумал он. И в душе снова поднялось уже было улегшееся раздражение. – Ну, я тебе покажу!»

И он, подстраиваясь под ее тон, так же фальшиво-радостно замурлыкал:

– Ну, котенок, ради твоих слез, так и быть, приеду! Чуть позже.

«Что, сейчас начнешь говорить, что надо к заболевшей маме?» – подумал он. Но она выдержала. И даже ухитрилась в той же манере хихикнуть.

В последние годы так сложилось, что все его «карусели» и «хороводы», в которых участвовали десятки красавиц, привели к тому, что в разных городах республики образовалось у него несколько женщин, считавших себя замужем. За ним. Способствовал этому и общий настрой общества – возвращение к корням, начавшаяся исламизация. А также привычка женщин всегда подводить длительные отношения к семейным. Чтобы чувствовать себя защищенной.

«Сколько же их всего было, этих отношений? – думал Турекул. И мысленным взором перебирал длинную вереницу своих пассий. – Вот Ольга. Кудрявая. Нос с горбинкой. Кожа тонкая, прозрачная. Взрывоопасная смесь кровей. Половина русской, половина греческой и, как она говорила: “Капелька еврейской!” Вся такая передовая. Работала брокером на бирже. Счастья, простого женского счастья не знала. А почему не знала? Была она по юности лет девушкой красивой, но дерзкой. А за ней ухаживал парень-спортсмен. Ухаживал, ухаживал. А она все его динамила и динамила. И однажды, не понимая того, какую взрывоопасную смесь она замешивает, – доигралась. Он ее изнасиловал. Изнасиловал девушку грубо и тяжело. Такая вот история. После она рассказала ему, Амантаю, что “как будто побывала под трактором”. Пожалел ее Амантай Турекул. Приголубил. Наверное, с полгода раскачивал ее. Потихоньку – нежностью и любовью, лаской и сдержанностью – выправлял ее женскую сущность. Выходил ее, как больного котенка, подобранного на улице. И прошла ее эпатажность, все эти ее заморочки. Стала она ласковой и веселой бабой. Но сколько ему пришлось помучиться! Ни в сказке сказать, ни пером описать. Ну, естественно, как каждая женщина, она тут же решила выйти за него замуж. Хотя замужем уже была. И даже имела ребенка. Девочку. Наезжает он к ней. Периодически. Чем не гостевой брак?

А вот Асель. Юная красавица-казашка. Познакомился с нею на конкурсе красоты. Лет ей было семнадцать. Полна надежд и противоречий. Но умная. Покатал он ее «на карусели». И осталась она у него «в хороводе». Но недолго «хороводилась». На какой-то закрытой вечеринке, куда он с ней пришел, чтобы, как говорится, похвастаться, приглянулась она «самому». Произвела фурор. А ему осталась «подругой».

Вот Ирка-лесбиянка. Как-то пригласили они на пару с его товарищем Кайратом прокатиться «на карусели» двух подружек. Но что-то не заладилось. Девки постоянно перекидывались какими-то странными взглядами, говорили полунамекami и все пытались уединиться-спрятаться вдвоем от кавалеров подальше. И так уж получилось, что он застиг их, когда они начали целоваться-зажиматься в душевой. Короткий допрос дядюшки Амантая окончательно выявил противоестественные наклонности. И пришлось ему, немало прожившему и повидававшему человеку, от словесных разъяснений приступить к практическому показу преимуществ отношений с мужчинами.

Сам Амантай Турекул, кстати говоря, искренне верующий в Аллаха правоверный мусульманин, не считал свой, как он с юмором называл, гарем чем-то вызывающим. Ислам – тонкая религия. И секс не является в ней чем-то нечистым и порочным, как в христианстве. В случае каких-то дискуссий на эту тему Амантай всегда готов привести в подтверждение своей точки зрения слова пророка: «Возлежание с собственной своей женой есть саадака (искреннее деяние)» (Абу Дауд). Или вспомнить хадис Муслима: «Жена и муж, делящие брачное ложе, достойны восхваления и благословения Аллаха...»

Мало того, сам пророк, который, как известно, имел тринадцать жен, очень хорошо разбирался во всех нюансах супружеской жизни. И говорил, что если один из супругов отказывается в чем-то другому, то «не наступит и утро, как ангелы проклянут такого человека».

Особенно строго пророк высказывался по поводу женщин, не исполняющих свой долг: «Клянусь Тем, в Чьих руках находится моя жизнь, что если муж призывает на брачное ложе жену свою и она не отвечает ему согласием, то пусть Тот, Кто является Властелином Небес, проклянет ее и не простит до тех пор, пока не удовлетворит она желания мужа своего» (Муслим).

Но и по отношению к женщинам пророк указал на некие обязанности со стороны мужчин. И обязанности немалые: «Мужу, прежде своих желаний, следует удовлетворить желания жены» (Аль-Газали).

Совет тонкий. И Амантай следовал ему.

Знал он также, что пророк абсолютно не приветствовал воздержание и отказ от сексуальной жизни. Потому что понимал: такой отказ противоестественен и порождает извращенцев, которые опасны для общества. Обуянные подавленными желаниями и страхами, такие люди страшны.

Это доказала история христианской церкви, породившей такие чудовищные явления, как инквизиция и изуверство.

В исламе интимная, сексуальная жизнь считается даром великого Аллаха. Она дает человеку возможность испытать нечто похожее на блаженство рая. Экстаз, который может приблизить человека к Аллаху, позволит слиться с ним.

Но, следуя строго по пути, который указал пророк, Амантай не позволяет себе больше грешить так, как он грешил в молодости. Исчезли катания «на каруселях» и «хороводы». Теперь он как добропорядочный мусульманин ведет строгий и упорядоченный образ сексуальной жизни. С трудом, но добился он согласия своей старой жены, растолстевшей и холодной Айгерим, на то, чтобы взять вторую и третью жен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.